Я ЗНАЮ, КТО ТЫ

ЭЛИС ФИНИ

Элис Фини

Я знаю, кто ты

Серия «Двойное дно: все не так, как кажется»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43453075
Элис Фини Я знаю, кто ты:
ISBN 978-5-17-112028-3

Аннотация

Эйми Синклер – успешная актриса, которая никогда не снимает маску. Никто не знает, какова ее подлинная сущность.

Кроме одного человека.

Он подбрасывал ей записки, содержащие всего четыре слова: «Я знаю, кто ты».

Он подписывался именем, которое Эйми старалась забыть.

Он знает все ее слабости и уязвимые места.

И когда муж Эйми бесследно исчезает, она становится абсолютно беззащитной. Теперь ей предстоит найти в себе внутреннюю силу.

Этот триллер искусно сплетает тонкий психологизм и увлекательный сюжет, доказывая, что захватывающей может быть не только интрига, но и эволюция человеческой души.

Содержание

Один 6
Два 14
Три 26
Четыре 36
Пять 40
Шесть 52
Семь 55
Восемь 60
Девять 63
Десять 68
Одиннадцать 71
Двенадцать 76
Тринадцать 80
Четырнадцать 88
Пятнадцать 94
Шестнадцать 98
Семнадцать 103
Конец ознакомительного фрагмента. 113

Элис Фини
Я знаю, кто ты

Alice Feeney
I KNOW WHO YOU ARE

Печатается с разрешения агентств Curtis Brown Group Limited и The Van Lear Agency

Перевод с английского Марии Цюрупы
Оформление обложки Яны Паламарчук

ДВОЙНОЕ ДНО
ВСЕ НЕ ТАК, КАК КАЖЕТСЯ

Серия «Двойное дно: все не так, как кажется»

©Alice Feeney, 2018

© Цюрупа М., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается Джонни.
Агенты бывают всех форм и размеров.
Мне достался самый лучший.

Не все хотят быть кем-то.
Некоторые просто хотят быть кем-то другим.

Один

Лондон, 2017 год

Я – та девушка, которая кажется вам знакомой, но вы никак не можете вспомнить откуда.

Ложь – это то, чем я зарабатываю на жизнь. Лучше всего я умею становиться кем-то другим. Единственная моя часть, которую я все еще узнаю в зеркале, – это глаза. Они смотрят с загримированного лица выдуманного человека. Еще один персонаж, еще одна история, еще одна ложь. Я отворачиваюсь, собираясь расстаться с очередной ложью на ночь, и на секунду останавливаюсь, глядя на надпись на двери гримерки:

ЭЙМИ СИНКЛЕР

Моя фамилия, не его. Я ее не меняла.

Наверное, потому, что в глубине души я всегда знала, что наш брак будет длиться, только пока жизнь не разлучит нас. Я напоминаю себе, что мое имя определяет, кто я такая, только если я сама это позволяю. Имя – это всего лишь набор

букв, поставленных в определенном порядке. Не более чем прихоть родителей, ярлык, ложь. Иногда мне мучительно хочется составить из этих букв что-нибудь другое. Кого-нибудь другого. Новое имя для новой меня. Той, которой я стала, пока никто не видел.

Знать, как зовут человека, – не значит знать его самого.

Мне кажется, вчера мы все испортили.

Иногда именно те, кто любит нас больше всех, делают нам больнее всего. Потому что могут.

Он сделал мне больно.

У нас вошло в дурную привычку причинять друг другу боль. Чтобы починить, иногда нужно сломать.

В ответ я сделала больно ему.

Я проверяю, не забыла ли я положить свою последнюю книжку в сумку, как другие проверяют, не забыли ли ключ или телефон. Время бесценно, его нельзя упускать, и чтобы убить свое, я читаю на съемочной площадке в перерывах между сценами. С самого детства я предпочитала жить вымышленными жизнями других людей, прятаться в историях, которые заканчиваются лучше, чем моя. Мы – то, что мы читаем. Убедившись, что все на месте, я ухожу. Возвращаюсь к тому и туда, откуда пришла.

Вчера ночью случилось нечто очень плохое.

Я так старалась сделать вид, что ничего не случилось, пыталась выложить из воспоминаний другую картину, но я все еще слышу его слова, полные ненависти, чувствую его руки

у себя на шее и вижу выражение, которого никогда раньше не видела на его лице.

Я все еще могу все исправить. Могу починить поломанное.

Самая опасная ложь – это та, которую мы говорим сами себе.

Это была просто ссора, вот и все. Каждому, кто любил, приходилось и ссориться.

Я иду по знакомым коридорам киностудии «Пайнвуд», оставляя позади гримерку, но не собственные страхи и сомнения. Ноги двигаются как-то медленно и неуверенно, как будто они специально стараются оттянуть момент возвращения домой, боятся того, что ждет нас там.

Я любила его и все еще люблю.

Мне кажется, что важно об этом помнить. Мы не всегда были такими, какими стали. Жизнь меняет человеческие отношения, как море меняет очертания песчаного дна, – размывает дюны любви, формирует берега ненависти. Вчера вечером я сказала ему, что все кончено. Я сказала, что нам нужно развестись, что на этот раз я действительно этого хочу.

На самом деле я не хотела.

Я забираюсь в свой «рендж ровер» и еду в сторону культовых ворот киностудии, приближаясь к неизбежному. Я немного изменяю свою форму: прячу углы, которые не хочу никому показывать, загибаю свои острые края так, чтобы их не было видно. Человек в будке на выезде машет рукой, его

лицо принимает приветливое выражение. Я заставляю свое лицо улыбнуться в ответ и уезжаю.

Для меня актерская игра никогда не была способом привлечь внимание и оказаться на виду. Я занимаюсь тем, чем занимаюсь, потому что больше ничего не умею и потому что это единственное занятие, которое делает меня счастливой. Для большинства людей застенчивая актриса – это оксюморон, но это как раз про меня. Не все хотят быть кем-то, некоторые просто хотят быть кем-то другим. Играть роль легко, а вот быть собой мне как раз сложно. Меня тошнит перед каждым интервью и мероприятием. Мне становится физически плохо, я заболеваю от нервов, когда мне приходится встречаться с людьми, будучи собой. Но когда я выхожу на сцену или стою перед камерой, перевоплотившись в кого-то другого, мне кажется, я могу летать.

Никто, кроме него, не понимает, кто я на самом деле.

Мой муж полюбил меня такой, какой я была раньше. Успех пришел ко мне относительно недавно, и как только исполнились мои мечты, начались его кошмары. Сначала он старался меня поддержать, но ему не нравилось мной делиться. И все-таки каждый раз, когда тревога разрывала меня на части, он вновь собирал меня по кусочкам. Что было любезно с его стороны, хотя он и делал это в собственных интересах. Чтобы получить удовольствие от починки, нужно или сперва помедлить, или снова сломать все собственными руками.

Я медленно еду по быстрым лондонским улицам, тихо репетируя реальную жизнь, и иногда с неудовольствием замечаю в зеркале отражение меня ненастоящей. Женщина тридцати шести лет, которую я вижу, недовольна тем, что ей приходится притворяться. Не могу назвать себя красивой, но мне говорят, что у меня интересное лицо. Мои глаза крупноваты для остальных черт моего лица, словно то, что им довелось увидеть, заставило их непропорционально увеличиться. Мои длинные темные волосы выпрямлены профессиональными руками – не моими, – и я теперь худая, потому что так нужно для роли, которую я сейчас играю, и потому что я часто забываю поесть. Поесть я забываю потому, что как-то раз одна журналистка назвала меня «полненькой, но симпатичной». Не помню, что она написала о моей актерской игре.

Это был отзыв на мою первую роль в фильме, роль, которую я сыграла в прошлом году. Роль, которая изменила мою – да и его – жизнь навсегда. Безусловно, она изменила состояние нашего банковского счета, но нашу любовь мы на тот момент уже вычерпали без остатка. Муж был недоволен моим внезапно обретенным успехом. Успех забирал меня у него, и мне кажется, муж хотел внушить мне чувство собственной никчемности, чтобы снова ощутить себя значимым. Я уже не та, на ком он женился. Я теперь больше, чем она, а ему, я думаю, хотелось кого-то поменьше. Он журналист, по-своему успешный, но это не то же самое. Ему показалось, что он меня теряет, поэтому он вцепился в меня

крепче – так крепко, что стало больно.

Мне кажется, в каком-то смысле мне это даже нравилось.

Я паркуюсь на обочине и позволяю ногам отвести меня по тропинке к дому. Я купила дом в Ноттинг-Хилле, потому что думала, что он может помочь нам продержаться какое-то время, пока мы не выплатим долг по нашему заложенному и перезаложенному браку. Но деньги – это всего лишь пластырь, а не лекарство для разбитых сердец и нарушенных обещаний. Никогда еще я не чувствовала, что собственными ошибками загнала себя в такой тупик. Как это часто бывает с людьми, я сама себе построила тюрьму, сложила прочные стены из кирпичей вины и долга. Мне казалось, что в этих стенах не было дверей, однако путь наружу существовал всегда. Просто я его не видела.

Я вхожу и включаю свет во всех холодных, темных, пустых комнатах.

– Бен, – зову я, снимая пальто.

Даже мой голос, произнося его имя, звучит неправильно, не по-настоящему, как чужой.

– Я дома, – сообщаю я другому пустому углу.

Называя это место домом, я чувствую, что лгу. Я никогда здесь не чувствовала себя дома. Птица никогда не выбирает собственную клетку.

Не найдя мужа на первом этаже, я поднимаюсь в спальню. Каждый шаг дается мне с трудом, меня сковывают ужас и со-

мнение. Сейчас, когда я вернулась на площадку, где разыгрываются наши жизни, воспоминания о предыдущей ночи звучат, пожалуй, слишком громко. Я еще раз зову его по имени, но он снова не отвечает. Посмотрев во всех комнатах, я возвращаюсь на кухню и только сейчас замечаю на столе изысканный букет цветов. Смотрю на карточку, прикрепленную к букету. Там всего одно слово:

Извини.

Проще сказать «извини», чем действительно почувствовать свою вину. Еще проще написать.

Я хочу стереть то, что с нами случилось, и вернуться к началу. Я хочу забыть, что он сделал со мной и что он заставил сделать меня. Я хочу начать заново, но наше время ушло задолго до того, как мы начали уходить друг от друга. Может быть, если бы он позволил мне иметь детей, которых я так хотела любить, все сложилось бы по-другому.

Я возвращаюсь в гостиную и смотрю на вещи Бена, лежащие на журнальном столике: кошелек, ключи, телефон. Он никуда не выходит без телефона. Я осторожно беру телефон, как будто он может взорваться или рассыпаться у меня в руке. Экран оживает и показывает пропущенный вызов с незнакомого номера. Желая заглянуть дальше, я нажимаю на кнопку, и телефон запрашивает пароль Бена. Несколько раз я пытаюсь отгадать пароль, но безуспешно.

Я снова осматриваю дом, но его здесь нет. Он не прячется. Это не игра.

Вернувшись в прихожую, я замечаю, что пальто, которое он обычно носит, висит на месте, а его ботинки так и стоят у входной двери. Я еще раз напоследок зову его, так громко, что соседи за стеной наверняка меня слышат. Ответа так и нет. Может, он просто ненадолго вышел из дома.

Без кошелька, телефона, ключей, пальто и ботинок?

Отрицание – самый разрушительный вид самоповреждения.

В моей голове звучит шепот, круг за кругом повторяя одни и те же слова:

Исчез. Убежал. Уехал. Ушел. Растворился. Пропал.

Потом карусель перестает вращаться, останавливаясь на слове, которое подходит лучше всего. Простое и короткое, оно встает на свое место, как кусочек паззла, который мне неожиданно пришлось решать.

Моего мужа нет.

Два

Интересно, куда попадают другие люди, когда выключают на ночь свет.

Неужели они все погружаются в сон? Есть ли еще такие, кто, как я, бродит в холодной темноте внутри себя, копается в тени своих самых черных мыслей и страхов, ногтями раскапывает грязь воспоминаний, от которых хотел бы избавиться? Надеясь, что никто другой не видит, куда они погрузились.

Когда звонок будильника прекращает мои попытки уснуть, я встаю, принимаю душ, одеваюсь. Выполняю все привычные действия, как если бы это был обычный день. Только я, кажется, не способна выполнять их с обычной скоростью. Каждое движение, каждая мысль мучительно медленны. Как будто ночь специально старается задержать наступление предстоящего дня.

Перед тем как лечь, я позвонила в полицию.

Я сомневалась, правильно ли поступаю, но, видимо, теперь не обязательно ждать сутки, чтобы заявить об исчезновении человека. Исчезновение. Это слово вызывает ассоциации с трюком фокусника, но ведь перед публикой выступаю я, а не мой муж. Незнакомый голос в трубке звучал ободряюще, а вот слова, которые он произносил, не очень. Особенно одно слово, которое он неоднократно просвистел мне в

ухо: исчез.

Исчез человек. *Исчез* муж. *Исчезли* воспоминания.

Я хорошо помню, какое выражение было у моего мужа, когда я в последний раз видела его лицо, но случившееся дальше в лучшем случае предстает размытой картинкой. Не потому что у меня плохая память или я люблю выпить, это все не про меня, а из-за того, что произошло потом. Я закрываю глаза, но все еще вижу Бена, вижу гримасу ненависти на его лице. Я моргаю, чтобы картинка пропала, как будто это песчинка, небольшая помеха, которая заслоняет мой любимый вид на нас.

Что мы сделали? Что я сделала? Зачем он меня заставил?

Добрый полицейский, с которым я в итоге поговорила, набрав третий по счету и последний номер, записал наши координаты и сказал, что со мной обязательно свяжутся. Затем он попросил меня не волноваться.

С таким же успехом он мог бы попросить меня не дышать.

Я не знаю, чего ждать, и мне это не нравится. Мне никогда не нравилась импровизация. Куда лучше, когда моя жизнь идет по сценарию, когда она спланирована и аккуратно расписана. Даже сейчас я жду, что Бен вдруг войдет в дверь и расскажет одну из своих очаровательных смешных историй, все наконец объяснит и исправит поцелуем.

Но он этого не делает. Он ничего не делает. Его нет.

Как бы мне хотелось, чтобы у меня был кто-нибудь еще, кому можно позвонить, все рассказать, с кем можно поговорить. Но такого человека нет.

Когда мы познакомились, Бен начал постепенно перестраивать мою жизнь. Он плохо отзывался о моих друзьях, подрывал мое доверие к ним, пока мы не остались одни. Он стал моей луной, он крутился вокруг меня, управлял приливами моей неуверенности в себе, иногда полностью заслонял солнце и погружал меня во тьму, где мне было страшно, где я не могла разглядеть, что происходит на самом деле.

Или притворялась, что не могу.

Узы такой любви, как наша, скручиваются в сложный узел, который трудно распутать. Если бы люди знали правду, они бы спросили, почему же я оставалась с ним, и я бы ответила честно: потому что я люблю нас больше, чем ненавижу его, и потому что это единственный мужчина, с которым я когда-либо хотела завести ребенка. Несмотря на все, что он сделал, чтобы причинить мне боль, я до сих пор хотела только одного: чтобы у нас был ребенок и шанс начать все с начала.

Новая версия нас.

Было жестоко не позволить мне стать матерью. Было глупо думать, что я приму его решения как свои собственные. Но я хорошо притворяюсь. Я построила на этом карьеру. Если замаскировать трещину, она не исчезнет, но когда так делаешь, жизнь становится симпатичнее.

Я не знаю, что теперь делать.

Я стараюсь вести себя как обычно, но не могу вспомнить, что это значит.

Уже почти десять лет я бегаю каждый день. Бег я храню в тоненькой папке вещей, которые у меня хорошо получаются. Мне нравится бегать. Как настоящий человек привычки я бегаю одним и тем же маршрутом каждое утро.

И вот я заставляю себя надеть кроссовки. Дрожащие пальцы с трудом вспоминают, как завязывать шнурки, которые они завязывали уже тысячу раз. Затем я говорю себе, что если стоять и смотреть на пустые стены, никому от этого лучше не станет и Бен от этого не вернется.

Мои ноги входят в знакомый ритм, быстрый, но ровный, и я слушаю музыку, чтобы заглушить звуки города. Для начала Тейлор Свифт: «Смотри, что ты заставил меня сделать». Прилив адреналина приходит и снимает боль, и я немного ускоряюсь. Пробегаю мимо паба на углу, куда мы с Беном ходили выпить по пятницам, – до того, как забыли, кем и как нам быть вместе. Потом – мимо муниципальной многоэтажки и ряда роскошных частных домов на соседней улице; имущие рядом с неимущими, по крайней мере, по соседству.

Идея переехать в дорогой район Западного Лондона принадлежала Бену. Когда мы купили этот дом, я была в Лос-Анджелесе. Страх заставил меня согласиться, что это правильный шаг. Я даже ни разу не побывала внутри до того, как дом стал нашим. Переступив наконец порог, я обнару-

жила, что интерьер сильно отличается от того, что я видела на фотографиях в Интернете. Бен сделал ремонт полностью сам: все подогнал и подготовил для совершенно новых нас, тех, кем мы хотели и надеялись стать.

Завернув за угол, я нахожу взглядом книжный магазин. Я стараюсь на него не смотреть, но он притягивает мой взгляд, словно сцена дорожной аварии. Именно сюда Бен пригласил меня на первое свидание. Он знал о моей любви к книгам, и поэтому выбрал это место. В тот вечер я пришла раньше времени и в ожидании разглядывала книги на полках, нервничая и предвкушая встречу. Прошло пятнадцать минут, а он все не шел. Уровень моего беспокойства достиг предела.

– Простите, вы не Эйми? – с приветливой улыбкой обратился ко мне какой-то пожилой мужчина.

Я растерялась, мне даже стало немного нехорошо. Он был совершенно не похож на красивого молодого человека, чью фотографию я видела на сайте знакомств. Я даже задумалась, не стоит ли сказать «нет» и сбежать из книжного.

– Совсем недавно один человек купил здесь вот это и попросил передать вам. Он сказал, что это подсказка, – продолжал мужчина, улыбаясь так, словно для него это было самое веселое приключение за последние годы.

Затем он протянул мне аккуратный коричневый сверток. Первая неловкость прошла, и все встало на свои места. Я сообразила, что передо мной не тот, к кому я пришла на свидание, а владелец магазина. Я поблагодарила его, взяла свер-

ток – судя по всему, с книгой – и порадовалась, что мужчина ушел и дал мне возможность развернуть упаковку без свидетелей. Это был «Таинственный сад», одна из любимых книг моего детства. Сперва я не поняла, что к чему, но потом вспомнила, что цветочный магазин на углу носит то же название.

Когда я вошла в цветочный магазин, над дверью зазвенел колокольчик, и продавщица тут же заулыбалась.

– Эйми? – спросила она и, когда я кивнула, протянула мне букет белых роз.

К букету была приложена записка:

> Белые розы.
> Прости, что я поздно.
> Мечтаю о встрече
> С тобой в этот вечер.

Я прочла ее трижды, словно пытаясь перевести слова, а потом заметила, что продавщица все еще смотрит на меня и улыбается. Мне всегда неуютно, когда меня рассматривают.

– Он сказал, что будет ждать вас в вашем любимом ресторане, – сказала она.

Я поблагодарила ее и вышла. Любимого ресторана у нас пока не было, потому что мы еще ни разу не ели вместе. Я шла по улице с букетом и книгой и наслаждалась игрой. Перебрав в памяти нашу переписку, вспомнила разговор о еде. У него были изысканные вкусы, у меня же… ну, не настоль-

ко. Я жалела о том, что рассказала ему, какое у меня любимое блюдо, и втайне сетовала на свое воспитание.

Человек за прилавком заведения, где продавали рыбу с картошкой фри, улыбнулся. В то время я была регулярным покупателем.

– Соль и уксус?

– Да, пожалуйста, – ответила я.

Он положил порцию картошки в газетный кулек, а затем протянул мне еду и билет на фильм, который шел в этот вечер в кинотеатре. Картошка оказалась слишком горячей, и я слишком спешила доесть ее по дороге. Но стоило мне увидеть Бена, ждавшего возле кинотеатра, как все мои страхи улетучились.

Я помню наш первый поцелуй.

Все было так естественно. Мы так невероятно, необъяснимо легко нашли общий язык, соединились в одно целое, как будто были созданы друг для друга. Я улыбаюсь, вспоминая, какими мы были тогда. Та наша версия была хорошей. В этот момент я спотыкаюсь на неровном тротуаре перед кинотеатром и возвращаюсь в настоящее. Двери закрыты. Внутри темно. И Бена нет.

Я припускаю быстрее.

Я бегу мимо магазинов подержанной одежды и гадаю, были ли вещи, выставленные на витрине, пожертвованы из великодушия или от безысходности. Пробегаю мимо человека, который толкает метлу вдоль тротуара, убирая мусор чужих

жизней. Затем – мимо итальянского ресторана: когда мы были там в последний раз, меня узнала официантка. Больше я туда не ходила, не смогла.

Когда меня узнают незнакомые люди, я цепенею от только мне известного ужаса. Я улыбаюсь, пытаюсь сказать что-нибудь приветливое, а потом ретируюсь так быстро, как только могу. Слава богу, это случается не очень часто. Я не звезда первой величины. Пока что. Наверное, я где-то между второй и третьей величиной, примерно как размер моего лифчика. Тот образ, который я принимаю перед людьми, гораздо привлекательнее, чем я настоящая. Он искусно скроен, искуснее, чем я сама. Меня же людям видеть не положено.

Интересно, когда он меня разлюбил?

Я срезаю дорогу через кладбище, и вид детской могилы наполняет меня печалью. Теперь я думаю не о том, кем мы были, а о том, кем могли бы быть, если бы жизнь сложилась иначе. Стараюсь ухватиться за приятные воспоминания, притвориться, что их было больше, чем на самом деле. Мы все устроены так, что переписываем свое прошлое, чтобы защитить себя в настоящем.

Что я делаю?

Мой муж *исчез*. Мне следует сидеть дома, плакать, обзванивать больницы, предпринимать *что-нибудь*. Осознание прерывает мои размышления, но не бег. Я спешу дальше. Я останавливаюсь только у кафе, обессиленная собственными вредными привычками – не высыпаться и убегать от про-

блем.

В кафе уже много народу, его заполняют жители Лондона со слишком высокой рабочей нагрузкой и слишком маленькими зарплатами. Они пришли за утренней дозой, на их лицах еще лежит печать сна и недовольства. Добравшись до начала очереди, я прошу свою обычную порцию латте и иду к кассе. Плачу бесконтактной картой, и снова погружаюсь в свои мысли, но вдруг кассирша поворачивается ко мне и начинает что-то говорить без улыбки. Светлые волосы, заплетенные в неровные косы, свисают по обе стороны ее длинного лица, ее сдвинутые брови напоминают татуировку.

– Ваша карта не проходит, – говорит она. Я ничего не отвечаю, и она смотрит на меня так, словно сомневается в моих умственных способностях. – У вас есть другая карта?

Она говорит нарочито медленно и громко, как будто уже потратила весь запас терпения и доброты. Я чувствую, как к ее взгляду присоединяются другие, как все взгляды останавливаются на мне.

– Всего два сорок. Наверно, проблемы с вашим аппаратом, пожалуйста, попробуйте еще раз, – отвечаю я и тут же прихожу в ужас от того, какой жалкий звук выходит у меня изо рта под видом моего голоса.

Кассирша вздыхает, словно собирается сделать мне немыслимое одолжение и приносит огромную личную жертву, и тычет в кассу пальцем с обкусанным ногтем.

Я протягиваю свою карту, полностью осознавая, что моя

рука дрожит и что все это видят.

Она цокает языком и качает головой:

– Карта не проходит. Вы можете заплатить как-нибудь еще или нет?

Нет.

Я делаю шаг назад от своего нетронутого кофе, поворачиваюсь и выхожу из кафе, не говоря больше ни слова, чувствуя, что они смотрят мне вслед, что они меня осуждают.

Невежество – это не блаженство. Это всего лишь страх, отложенный на потом.

Я останавливаюсь возле банка и позволяю банкомату проглотить мою карточку. Набираю пин-код и прошу небольшую сумму денег. Читаю и перечитываю непривычные и неожиданные слова на экране:

> К сожалению,
> на вашем счету недостаточно средств

Машина выплевывает мою карточку с электронным отвращением. Иногда мы притворяемся, что не понимаем того, что на самом деле нам понятно. Вместо этого я делаю то, что получается у меня лучше всего, – бегу. Бегу всю дорогу до дома, который никогда не был домом.

Едва зайдя в дом, я достаю телефон и набираю номер, написанный на обороте моей карточки, как будто этот разговор можно вести только за закрытыми дверьми. Страх – не усталость – сжимает мне горло, дыхание то и дело прерывается, изменяя мой голос. Контрольные вопросы мучительны, но

наконец-то женщина, сидящая в далеком колл-центре, задает вопрос, которого я ждала.

– Доброе утро, миссис Синклер. Вы прошли проверку безопасности, чем я могу вам помочь?

Наконец-то.

Я слушаю, как чужая женщина рассказывает мне, что с моего банковского счета были сняты все деньги, а сам счет вчера был закрыт. Там было более десяти тысяч фунтов – на счету, который я нехотя согласилась сделать совместным, когда Бен заявил, что я ему не доверяю. Судя по всему, правильно делала. Как хорошо, что большую часть своих гонораров я спрятала на счетах, к которым у него нет доступа.

Я смотрю на вещи Бена, все еще лежащие на журнальном столике, затем зажимаю телефон между щекой и плечом, чтобы освободить руки. Я чувствую, что залезать к нему в кошелек нехорошо – я не из тех жен, кто так поступает, – но все равно его поднимаю. Я заглядываю внутрь, как будто пропавшие десять тысяч могут быть спрятаны между его кожаными складками. Их там нет. Я нахожу только смятую пятерку, пару кредитных карт, о существовании которых не знала, и два аккуратно сложенных чека. Один из ресторана, где мы ужинали, когда я видела его в последний раз, а второй с заправочной станции. В этом нет ничего странного. Я иду к окну и приподнимаю край занавески, как раз столько, чтобы была видна машина Бена, припаркованная на обычном месте. Я опускаю занавеску и кладу кошелек обратно на стол –

ровно так, как он лежал. Брак без тепла оставляет после себя чахлую любовь, хрупкую, которую легко сломать. Но если он собирался уйти от меня и забрать мои деньги, почему он не забрал и свои вещи? Все осталось здесь.

Совершенно непонятно.

– Миссис Синклер, я могу еще чем-нибудь вам помочь? – голос в трубке прерывает мои спутанные мысли.

– Нет. А вообще да. Вы не могли бы мне сказать, в какое время муж закрыл наш счет?

– Последнее снятие средств было произведено в нашем отделении в семнадцать двадцать три.

Я пытаюсь вспомнить вчерашний день. Кажется, это было так давно. Я практически уверена, что вернулась со съемок самое позднее в пять. Я была здесь, когда он это делал.

– Странно… – говорит она.

– Что странно?

Она медлит, прежде чем ответить:

– Ваш муж не снимал деньги и не закрывал счет.

Теперь я слушаю очень внимательно.

– Тогда кто это сделал?

Снова длинная пауза.

– Ну, согласно нашим данным, миссис Синклер, это сделали вы.

Три

– Миссис Синклер? – говорят на другом конце провода.

Мне кажется, что голос доносится издалека, что колл-центр банка стал еще дальше, чем раньше, и я не могу ответить. Мне конец. Кажется, я потеряла счет времени. Я словно качусь вниз по склону со страшной скоростью, и мне не за что ухватиться.

Наверно, если бы я сходила в банк и закрыла наш счет, я бы об этом помнила.

Стук в дверь. Я кладу трубку и бегу открывать, сама себе наступая на пятки. Я не сомневаюсь, что за дверью меня ожидает Бен и логичное объяснение происходящего.

Я ошибаюсь.

На пороге стоят мужчина средних лет и молодая девушка. Оба они одеты в дешевые костюмы. Он выглядит как завсегдатай низкопробных пивнушек, а она – как девочка, примерившая одежду старшей сестры.

– Миссис Синклер? – спрашивает она, сдабривая мое имя своим шотландским акцентом.

– Да? – я гадаю, не ходят ли они по домам, предлагая какой-нибудь товар, например стеклопакеты или бога, или, еще того хуже, не журналисты ли они.

– Я инспектор уголовной полиции Алекс Крофт, а это – сержант Уэйкли. Вы звонили по поводу своего мужа, – до-

бавляет она.

Инспектор? Она выглядит как школьница.

– Да, звонила. Проходите, пожалуйста, – отвечаю я, тут же забывая их имена и звания. У меня так гудит голова, что мозг не в состоянии обработать дополнительную информацию.

– Спасибо. Мы можем с вами где-нибудь присесть? – спрашивает она, и я на автомате, словно в трансе, веду их в гостиную.

Ее миниатюрная фигурка запакована в неприглядный брючный костюм черного цвета. Из-под пиджака виднеется белая блузка. Все это вместе, действительно, напоминает школьную форму. У нее простое, но миловидное лицо без капли косметики, а тусклые волосы до плеч выглядят такими прямыми, как будто она прогладила их заодно с одеждой. Вся она – воплощение чистоты и редкостной опрятности. Наверное – приходит мне в голову, – она работает недавно. Может быть, он ее обучает. Я не ожидала, что ко мне на порог заявятся сотрудники уголовной полиции. Обычный полицейский – возможно, но не они. Интересно, чем я заслужила такое внимание, гадаю я и со страхом отмахиваюсь от возможных ответов, приходящих в голову.

– Итак, ваш муж исчез, – переходит она к делу, когда я сажусь напротив.

– Да.

Она молчит и смотрит на меня, как будто ждет, что я скажу что-то еще. Я смотрю на него, потом снова на нее, но он

кажется не особо разговорчивым, а она продолжает сидеть с тем же выражением лица.

– Простите, я не знаю, как это обычно происходит, – говорю я, уже начиная волноваться.

– Например, для начала вы можете нам рассказать, когда видели мужа в последний раз.

– Так… – я задумываюсь на секунду.

Я помню спор на повышенных тонах, его руки у себя на горле. Помню, что он говорил и что делал. Я замечаю, что полицейские обмениваются взглядами и молчаливыми наблюдениями, и вспоминаю, что нужно ответить на вопрос.

– Извините. Я сегодня не спала. Я видела его позавчера вечером. И я должна вам еще кое-что рассказать.

Она подается вперед.

– Кто-то снял все деньги с нашего общего счета.

– Ваш муж? – спрашивает она.

– Нет, кто-то… другой.

Она хмурится, и на ее лбу, только что абсолютно гладком, проступают привычные морщины.

– А много там было денег?

– Около десяти тысяч фунтов.

Она поднимает аккуратно выщипанную бровь.

– Я бы сказала, немало.

– Еще, я думаю, вам следует знать, что пару лет назад меня преследовала какая-то женщина-сталкер. Мы поэтому сюда переехали. У вас должны быть записи, мы тогда обращались

в полицию.

– Маловероятно, что эти события связаны, но мы обязательно это учтем. – Странно, что она так легко отмахивается от факта, который может оказаться важным. Она снова откидывается на стуле, продолжая хмуриться. Раз появившись, морщины прочно обосновались у нее на лбу. – Когда вы звонили нам вчера вечером, вы сообщили сотруднику, с которым разговаривали, что все личные вещи вашего мужа на месте. Это так? Его телефон, ключи, кошелек, даже обувь?

Я киваю.

– Вы не возражаете, если мы немного осмотримся?

– Конечно, делайте, что нужно.

Я следую за полицейскими по дому, хотя не уверена, что так можно. Они молчат, по крайней мере, ничего не произносят вслух, но я замечаю, что между ними происходит беззвучный диалог, обмен взглядами. Они осматривают комнату за комнатой. Каждая наполнена воспоминаниями о Бене, и кое-что я предпочла бы забыть.

Пытаясь вспомнить точный момент, когда наши отношения начали разваливаться, я понимаю, что это случилось задолго до того, как я получила свою первую роль в кино и отправилась в Лос-Анджелес. Это произошло здесь, дома. Меня не было несколько дней, я уезжала на съемки в Ливерпуль. Небольшая роль в драме для BBC, ничего особенного. Я вернулась ужасно уставшей, но Бен уговаривал меня пообедать в ресторане и, когда я хотела отказаться, сделал

предупреждающее лицо. Одеваясь перед выходом, я уронила сережку, и ее застежка упала под кровать. Маленький кусочек серебра породил эффект бабочки, навсегда изменивший курс нашего брака. Застежку я так и не нашла, зато нашла кое-что другое: красную помаду – чужую, не мою – и осознание того, что мой муж тоже уже не мой. Не могу сказать, что это была полная неожиданность: Бен – привлекательный мужчина, и я неоднократно замечала, как смотрят на него другие женщины.

Я никогда не обсуждала с ним свою находку. Я не сказала ему ни слова. Не осмелилась.

Инспектор долго осматривает нашу спальню, и у меня возникает ощущение, что она грубо вспорола мое личное пространство и теперь там копается. Еще ребенком меня научили не доверять полиции, и я не доверяю ей до сих пор.

– Еще раз напомните мне, пожалуйста, когда точно вы видели мужа в последний раз, – говорит инспектор.

Когда он вышел из себя и превратился в кого-то совершенно мне незнакомого.

– Мы ужинали в индийском ресторане на главной улице… Я ушла немного раньше. Я плохо себя чувствовала.

– И вы не видели его, когда он пришел домой?

Видела.

– Нет, на следующий день я должна была рано вставать. Я уже легла, когда он вернулся.

Я знаю, что она знает, что я вру. Я даже не знаю зачем –

наверное, от стыда и сожаления, – но ко лжи не прилагается чек, ее нельзя взять обратно.

– Вы спите в разных комнатах? – спрашивает инспектор.

Какое ей дело?

– Не всегда, у нас обоих беспорядочный график, он журналист, а я…

– Но вы слышали, как он вернулся домой.

Слышала. Чувствовала. Вдыхала запах.

– Да.

Ее внимание привлекает что-то за дверью, и она достает из кармана пару голубых латексных перчаток:

– А в этой спальне спите вы?

– Здесь обычно спим мы оба, позавчера было исключение.

– Ты когда-нибудь спишь в отдельной комнате, Уэйкли? – спрашивает она у своего молчаливого напарника.

– Раньше случалось, если мы ссорились. Тогда у нас еще были силы и время на ссоры. Но теперь у нас нет ни одной свободной комнаты, все заполнили несносные подростки, – отвечает он.

Оно умеет говорить.

– Почему у вас задвижка изнутри на двери спальни, миссис Синклер? – спрашивает она.

В первый момент я теряюсь.

– Я же говорила, меня преследовала женщина. Поэтому я серьезно подхожу к вопросам безопасности.

– Вы знаете, почему она выломана? – инспектор снова за-

крывает дверь, и мы видим сломанную металлическую петлю и трещины на деревянной раме.

Знаю.

Я чувствую, что краснею:

– Недавно задвижку заело, и мужу пришлось выломать дверь.

Инспектор снова смотрит на дверь и медленно, словно делая усилие, кивает.

– У вас есть чердак? – спрашивает она.

– Да.

– А подвал?

– Нет. Вы хотите осмотреть чердак?

– В другой раз.

В другой раз? Сколько же еще раз они собираются приходить?

Я возвращаюсь вслед за ними на первый этаж, и экскурсия по дому заканчивается на кухне.

– Красивые цветы, – говорит инспектор, замечая дорогой букет на столе. Она читает записку. – За что он извиняется?

– Не знаю, у меня не было возможности спросить.

Что бы она ни думала, лицо не выдает ее мыслей.

– Прекрасный сад, – говорит она, глядя сквозь стеклянные раздвижные двери.

На ухоженной лужайке еще видны полоски с тех пор, как Бен подстригал ее в прошлый раз, а деревянный настил буквально блестит в лучах утреннего солнца.

– Спасибо, – отвечаю я.

– У вас красивый дом, как в кино или как на фотографиях в журнале. Он такой… как бы это сказать? Минималистский. Точно. Ни семейных фото, ни книг, ни барахла…

– Мы еще не все распаковали.

– Вы только что переехали?

– Примерно год назад.

Они оба поднимают на меня глаза.

– Меня часто не бывает дома. Я актриса.

– Не волнуйтесь, миссис Синклер, мы знаем, кто вы. Я видела вас в прошлом году в том сериале, где вы играли сотрудницу полиции. Мне понравилось.

Кривая усмешка исчезает с ее лица, и я решаю, что последнее утверждение было неправдой. Я молча смотрю на нее, не представляя себе, как нужно отвечать.

– Вы не могли бы нам одолжить какую-нибудь свежую фотографию своего мужа? – спрашивает она.

– Да, конечно, – отвечаю я, радуясь, что мы сменили тему.

Я подхожу к камину, но на каминной полке пусто. Я окидываю взглядом голые стены гостиной, наш маленький стеллаж и понимаю, что там нет ни одной фотографии. Ни его, ни моей, ни нашей совместной. Я помню, что здесь была фотография с нашей свадьбы, но не могу сообразить, куда она делась. Свадьба была скромной и незаметной: только мы вдвоем. За ней последовала череда все более и более незаметных дней, и скоро мы уже с трудом находили в них друг друга.

– У меня, наверное, есть фотографии в телефоне. Могу вам их прислать. Или вам нужна бумажная?

– Можете прислать, – отвечает она, и неестественная улыбка снова распространяется по ее лицу, словно сыпь.

Я беру телефон и начинаю пролистывать фотографии. На многих кадрах я вижу своих коллег по съемочной площадке, членов съемочной группы. Мне попадается много фотографий Джека, моего партнера по фильму, несколько моих, но ни на одной нет Бена.

Я чувствую, что мои руки дрожат, и, подняв глаза на инспектора, вижу, что она тоже это заметила.

– У вашего мужа есть паспорт?

Разумеется, у него есть паспорт. У всех есть паспорта.

Я поспешно иду к комоду, где мы храним документы. Паспорта Бена нет. И моего нет тоже. Я начинаю вынимать содержимое из ящика, но инспектор прерывает мои поиски.

– Не волнуйтесь, вряд ли ваш муж уехал за границу. Исходя из того, что нам известно, я думаю, он где-то поблизости.

– Почему вы так думаете? – спрашиваю я.

Она не отвечает.

– С тех пор как инспектор Крофт начала работать в органах, она раскрыла все порученные ей дела, – говорит полицейский-мужчина тоном гордого отца. – Вы в надежных руках.

Я не чувствую себя обнадеженной. Наоборот, мне страшно.

– Вы не возражаете, если мы это заберем? – спрашивает инспектор Крофт и, не дожидаясь моего ответа, кладет телефон и кошелек Бена в чистый прозрачный пакет. – О фотографии сейчас не беспокойтесь, вы можете дать ее нам в следующий раз, – добавляет она, снимая свои голубые перчатки и направляясь к выходу.

– В следующий раз?

Она снова игнорирует мой вопрос, и ее спутник, обернувшись на пороге, сконфуженно пожимает плечами.

– Мы с вами свяжемся, – обещает он напоследок.

Закрыв дверь, я без сил опускаюсь на пол. Пока они находились в доме, меня ни на мгновение не оставляло ощущение, что они безмолвно в чем-то меня обвиняют, только непонятно в чем. Может, они считают, что я убила своего мужа и спрятала труп под досками пола? Мне хочется открыть дверь, вернуть их и сказать что-нибудь в свою защиту. Сказать им, что я никого не убивала.

Но я этого не делаю.

Потому что это неправда.

Я убивала.

Четыре

Голуэй[1], 1987 год

Я пропала, еще не успев родиться.

Моя мама умерла во время родов, и он мне этого не простил.

Я сама была виновата. Сначала я опоздала, а потом повернула не туда. Я и сейчас иногда не смотрю, куда иду.

Когда я застряла у нее в животе и по какой-то неизвестной причине не захотела выходить, доктор сказал моему папе, что он должен выбрать одну из нас, потому что обеих спасти не получится. Папа выбрал ее, но не получил того, чего хотел. Вместо нее он получил меня, и долго после этого грустил и злился.

Брат рассказывал мне, что случилось. И не раз.

Ему целых пятнадцать лет, и он знает очень много всего.

Он говорит, что я убила ее.

С тех пор я изо всех сил стараюсь никого не убивать. Я перешагиваю через муравьев, притворяюсь, что не замечаю пауков, а когда брат ловит рыбу, выпускаю ее из сети обратно

---

[1] Город в Ирландии.

в море. Брат говорит, что раньше, пока я не разбила папе сердце, он был добрым человеком.

Я слышу их голоса внизу, в сарае.

Я знаю, что к ним нельзя, но хочу знать, что они там делают.

Они много чего делают без меня. Иногда я подглядываю.

Я встаю на старый пень, на котором мы колем дрова, и заглядываю в крошечную дырочку в стене сарая. Сначала мой правый глаз видит курицу по имени Диана. В Англии есть принцесса, которую так зовут, и мы назвали курицу в ее честь. Огромный папин кулак сжимает горло курицы, а ее лапы связаны обрывком черной веревки. Папа переворачивает птицу вниз головой, и она висит, не двигаясь. Двигаются только ее маленькие черные глазки. Кажется, они смотрят на меня. Кажется, курица знает, что я вижу то, чего мне видеть нельзя.

У брата в руках топор.

Брат плачет.

Я никогда раньше не видела, как он плачет. Слышала через стену спальни, когда папа бил его ремнем, но слезы его вижу впервые. Его лицо покраснело и покрылось пятнами, а руки трясутся.

Первого удара топора не хватает.

Курица хлопает крыльями, бьется, как банши[2], кровь хлещет из ее горла. Папа дает брату подзатыльник и заставля-

---

[2] Персонаж ирландского фольклора.

ет его снова взмахнуть топором. Крик курицы и плач брата сливаются у меня в ушах в один звук. Он рубит и промазывает. Папа снова бьет его, так сильно, что он падает на колени. Их грязные белые рубашки забрызганы куриной кровью. Брат опускает топор в третий раз, и птичья голова падает на землю, но крылья еще трепещут. Красные перья. Раньше они были белыми.

Когда папа уходит, я пробираюсь в сарай и сажусь рядом с братом. Он еще плачет, и я не знаю, что сказать, поэтому беру его за руку. Я смотрю, какую форму образуют вместе наши пальцы. Они как кусочки от разных паззлов, которые почему-то подходят друг другу. У меня руки маленькие, розовые и мягкие, у него – большие, грубые и грязные.

– Чего тебе? – спрашивает он, отдергивает руку и вытирает ею лицо. На щеках остается кровавый след.

Я просто хочу быть рядом, но он ждет ответа, поэтому я придумываю ответ, заранее зная, что он неверный.

– Ты не сходишь со мной в город? Я еще раз покажу тебе те красные туфельки, которые хочу на день рожденья.

На следующей неделе мне исполняется шесть. Папа говорил, что если я буду вести себя хорошо, в этом году я получу подарок. Я не делала ничего плохого, и, мне кажется, это почти то же самое.

Брат смеется, но не по-настоящему, а по-злому:

– Ты что, не понимаешь? Мы не можем себе позволить красные туфельки, нам еле хватает на еду! – Он хватает ме-

ня за плечи и слегка встряхивает, как папа встряхивает его самого, когда сердится. – Такие, как мы, не носят чертовы красные туфельки, они рождаются в грязи и умирают в грязи, а теперь отвали и оставь меня в покое!

Я не знаю, что делать. Я чувствую себя странно, а мой рот как будто разучился произносить слова.

Брат никогда со мной так не разговаривал. Я чувствую, как слезы подступают к глазам, но не пускаю их наружу. Я снова тянусь к нему, я просто хочу, чтобы он взял меня за руку. Он отталкивает меня с такой силой, что я падаю назад и стукаюсь головой о деревянную колоду, и мои длинные кудрявые темные волосы пачкаются в куриной крови и внутренностях.

– Я сказал, отвали, или я и твою чертову голову отрублю, – говорит он, замахиваясь топором.

Я бегу, бегу и бегу.

Пять

Лондон, 2017 год

Я бегу от парковки к главному зданию студии «Пайнвуд». Я никогда никуда не опаздываю, но незапланированный визит полицейских сегодня утром вывел меня из равновесия во многих смыслах.

Мой муж исчез, а заодно исчезли мои десять тысяч фунтов.

Я не могу решить эту головоломку, потому что, как бы я ни раскладывала ее кусочки, слишком многих частей не хватает, и картинка не складывается. Я напоминаю себе, что нужно продержаться еще совсем чуть-чуть. Съемки почти закончены, осталось всего три сцены. Я закапываю свои личные неприятности поглубже и спешу по коридорам в направлении гримерки. Повернув за угол, все еще погруженная в свои мысли, я врезаюсь в Джека, актера, вместе с которым мы играем главные роли в фильме.

– Где ты была? Все тебя ищут, – говорит он.

Он держит меня за рукав пиджака, но под моим взглядом убирает руку. Его карие глаза видят меня насквозь – к моему

сожалению. Ему почти невозможно врать, а я не всегда могу сказать правду: мне мешает мое обычное недоверие к людям. Иногда, когда вы так долго работаете с кем-то рядом, когда вы так сближаетесь, сложно полностью скрыть от них себя настоящую.

Джек Андерсон красив и знает об этом. Он сколотил состояние скорее благодаря своей внешности, чем неровной актерской игре. Его неизменные брюки из бежевого хлопка и плотно облегающие рубашки идут ему и подчеркивают мускулистость фигуры. Он носит свою улыбку, словно медаль, а щетину – словно маску. Джек немного старше меня, но серые вкрапления в темных волосах только добавляют ему привлекательности.

Я отдаю себе отчет в том, что между нами существует какая-то особая связь. И знаю, что он тоже это чувствует.

– Извини, – говорю я.

– Расскажи это съемочной группе, а не мне. То, что ты красивая, не значит, что весь мир будет ждать, пока ты его догонишь.

– Не говори так. – Я бросаю взгляд через плечо.

– Что, что ты красивая? Почему? Это правда, это видят все, кроме тебя самой, и это делает тебя еще очаровательнее.

С этими словами он подходит ближе. Слишком близко. Я делаю крошечный шажок назад.

– Бен вчера не вернулся домой, – говорю я шепотом.

– И что?

Я хмурюсь, и лицо Джека меняет выражение: на нем отражается осторожность и обеспокоенность, подобающая ситуации. Он переходит на шепот:

– Бен знает о нас?

Я в замешательстве смотрю на его лицо, ставшее внезапно серьезным. Затем в уголках его озорных глаз появляются и разбегаются лучиками морщинки. Он смеется.

– А, кстати, в гримерке тебя ждет журналистка, – говорит он.

– Что?

Я пугаюсь так, словно он сказал, что меня ждет киллер.

– Похоже, твой агент договорился об интервью. Она хочет говорить только с тобой, я ей не нужен. Не то чтобы я завидовал…

– Я понятия не имела о…

– Ага, ага. Не волнуйся, мое раненое самомнение восстановится, оно всегда восстанавливается. Она там сидит уже двадцать минут. Я не хочу, чтобы она написала о фильме какие-нибудь гадости только потому, что ты не можешь поставить будильник, поэтому лучше тебе пойти туда tout suite[3].

Он постоянно вставляет в речь случайные французские словечки. Никогда не понимала почему. Он не француз.

Не говоря больше ни слова ни на каком языке, Джек уходит вдаль по коридору, а я гадаю, что же в нем меня так привлекает. Иногда у меня создается впечатление, что меня при-

---

[3] Немедленно (искаж. *франц.*).

влекает только то, что кажется недоступным.

Ни о каком интервью я ничего не знаю, а если бы знала, то ни за что не согласилась бы на него сегодня. Ненавижу интервью. Ненавижу журналистов, они все одинаковые. Все пытаются раскопать секреты, которые их не касаются. И мой муж не исключение. Бен работает за кулисами «Ти-Би-Эн», продюсером новостной программы. Я знаю, что до нашей встречи он бывал в горячих точках: корреспонденты, с которыми он сотрудничал, упоминали его имя в статьях в Интернете. Понятия не имею, над чем он работает сейчас: он не любит об этом говорить.

Когда мы познакомились, он показался мне романтичным и очаровательным. Его ирландский акцент напомнил мне о детстве, о чем-то бесконечно родном и близком, о чем-то, во что хочется завернуться целиком и спрятаться от мира. Каждый раз, когда мне кажется, что наши отношения подошли к концу, я вспоминаю, как они начинались. Мы поженились слишком быстро, а любили слишком медленно, но какое-то время мы были счастливы, и мне казалось, что мы хотим одного и того же. Иногда я думаю, что, может, его изменили ужасы, которые ему пришлось наблюдать. Бен совсем не похож на тех журналистов, с которыми я сталкиваюсь по работе.

Я теперь знаю многих журналистов из сферы шоу-бизнеса и развлекательной индустрии. В поездках, на премьерах и вечеринках встречаются одни и те же знакомые лица. Я ду-

маю: вдруг в гримерке ждет кто-то, кто мне нравится, кто доброжелательно отзывался о моей работе, кто-то, с кем мы уже встречались? Это было бы не страшно. Если там кто-то незнакомый, у меня будут трястись руки и дрожать коленки, я начну потеть, а потом, когда неизвестный противник почувствует мою панику, потеряю всякую способность говорить связными предложениями. Знай мой агент, как я себя чувствую в подобных ситуациях, он перестал бы их мне создавать. Он как родители, которые бросают ребенка, боящегося воды, подальше от берега и верят, что тот поплывет, а не утонет. Не сомневаюсь: однажды я пойду на дно.

Я пишу смс своему агенту. Назначить интервью и ничего мне не сказать – это не похоже на Тони. Некоторые актрисы, когда что-то идет не по их плану, закатывают истерику, я видела такое много раз, но я себя так не веду и никогда, надеюсь, не буду. Я знаю, как мне повезло. На моем месте мечтает оказаться как минимум тысяча более талантливых, более достойных людей. Я вышла на этот уровень совсем недавно, мне есть что терять. Я не могу начать все с нуля, не сейчас, я слишком долго шла к этому и приложила слишком много усилий.

Я смотрю на свой телефон. От Тони ответа нет, но нельзя заставлять журналистку ждать еще дольше. Я рисую на лице идеально отточенную улыбку, открываю дверь со своим именем и вижу женщину, которая сидит на моем стуле, как будто там ей и место.

Нет, ей здесь совсем не место.

– Простите, что заставила вас ждать, рада вас видеть, – вру я, протягивая руку и стараясь, чтобы она не дрожала.

Дженнифер Джонс улыбается мне, как будто мы старые подруги. Мы не подруги. Эту журналистку я терпеть не могу. Раньше она писала обо мне ужасные вещи, хотя понятия не имею, чем я ей насолила. Это та самая дрянь, которая назвала меня «полненькой, но симпатичной», когда в прошлом году вышел мой первый фильм. В ответ я зову ее вороной за ее большой нос, но про себя. Все, кроме носа, у нее, наоборот, слишком маленькое, в особенности мозг. Она подскакивает со стула, порхает вокруг меня, как воробей под амфетаминами, а потом хватает мои пальцы своей крошечной холодной ручонкой, похожей на птичью лапку, и трясет их с преувеличенным энтузиазмом. Во время нашей предыдущей встречи у меня возникло ощущение, что она не видела ни кадра из фильма, о котором я собиралась говорить. Она из тех журналистов, кто считает, что раз они берут интервью у звезд, они тоже звезды. Никакая она не звезда.

Ворона – женщина средних лет, но одевается она так, как одевалась бы ее дочь, – если бы, конечно, у этой карьеристки была дочь. Ее темные волосы уложены в аккуратную прическу – такая была почти в моде лет десять назад, щеки у нее слишком розовые, а зубы неестественно белы. Дженнифер из тех людей, чья история давно написана, и ей не дано изменить финал, как бы она ни старалась. Судя по тому, что я

читала о ней в Сети, в юности она сама мечтала стать актрисой. Наверное, поэтому она меня так ненавидит. Я наблюдаю, как дергается и брызжет слюной ее маленький рот, когда она выкрикивает в мой адрес неискренние комплименты, и мысленно готовлюсь к словесным гранатам, которые она для меня припасла.

– Мой агент ничего не говорил об интервью…

– А, ясно. Ну, если вы сейчас не можете… Это просто для сайта, без камеры, только я, ваша старая знакомая. Поэтому можете не волноваться о прическе и о том, как вы выглядите.

Вот дрянь.

Она подмигивает. Ее лицо словно на мгновение перекосило инсультом.

– Я могу прийти в другой раз, если…

В ответ я снова вымучиваю из себя улыбку и сажусь напротив. Чтобы руки не дрожали, я сцепляю их и кладу на колени. Мой агент никогда бы на это не согласился, если бы не считал, что это важно.

– Давайте, – говорю я, чувствуя себя, как перед расстрелом.

Дженнифер достает из сумки старомодный блокнот. Полное ощущение, что это не сумка, а школьный ранец, который она отобрала на улице у чужого ребенка. Странно, сейчас большинство журналистов записывают интервью на телефоны. Наверное, ее методы, как и ее волосы, застряли в прошлом.

– Ваша актерская карьера началась в восемнадцать лет, когда вас приняли в Королевскую академию драматического искусства, это так?

Нет, я начала играть задолго до этого, когда я была гораздо, гораздо младше.

– Да, так, – отвечаю я, напоминая себе, что нужно улыбнуться. Иногда я забываю.

– Наверное, ваши родители гордятся вами.

Я никогда не отвечаю на личные вопросы о своей семье, поэтому ограничиваюсь кивком.

– Вы всегда хотели быть актрисой?

Это простой вопрос, мне постоянно его задают, и заготовленный ответ всех обычно удовлетворяет.

– Наверное, да, но в детстве я была очень застенчивой.

Да и сейчас.

– Когда мне было пятнадцать, в нашей школе ставили «Волшебника страны Оз», но я испугалась и не пошла на прослушивание. Потом преподаватель актерского мастерства вывесил список отобранных на роли, и я даже читать его не стала. Кто-то сказал мне, что я получила роль Дороти, и я подумала, что это шутка. Но мое имя действительно оказалось там, в самом начале списка: «Дороти – Эйми Синклер». Я решила, что это ошибка, но преподаватель подтвердил, что ошибки нет. Он сказал, что верит в меня, потому что знает, что сама я в себя не верю. Никто раньше в меня не верил. Я выучила свою роль, отрепетировала песни и старалась изо

всех сил – для него, не для себя. Не хотела его подвести. Я очень удивилась, когда меня стали хвалить, и мне очень понравилось играть на сцене. С этого момента я твердо решила, что хочу быть актрисой.

Она улыбается и перестает записывать.

– За последние два года вы сыграли много разных ролей…

Я жду вопроса, но напрасно.

– Да.

– И каково это было?

– Ну, как актрисе мне интересно перевоплощаться в разных людей и изображать разных персонажей. Это для меня большое удовольствие, и разнообразие мне по вкусу.

Почему я сказала «по вкусу»? Мы не о еде говорим.

– То есть вам нравится притворяться кем-то другим?

Я все еще переживаю из-за своей неудачной формулировки, поэтому медлю с ответом.

– Наверное, можно и так сказать, да. Но не все ли мы время от времени этим грешим?

– Полагаю, вам бывает нелегко вспомнить, кто вы на самом деле, когда на вас не направлена камера.

Я сажусь на свои руки, чтобы меня не выдали нервозные движения.

– Да нет, это же просто работа. Работа, которую я люблю и за которую благодарна.

– Не сомневаюсь. После этого фильма вы наверняка станете звездой. Что вы почувствовали, когда получили роль в

«Иногда я убиваю»?

– Я была в восторге, – отвечаю я и понимаю, что тон получился не восторженный.

– В этом фильме вы играете замужнюю женщину, которая притворяется хорошей, а на самом деле на ее счету совершенно ужасные поступки. Вам было сложно играть такого… извращенного персонажа? Вы не боялись, что зрители перестанут ей симпатизировать, когда узнают, что она сделала?

– Я не уверена, что мы хотим раскрывать интригу в статьях перед премьерой…

– Конечно, прошу прощения. Вы упомянули своего мужа…

Уверена, что не упоминала.

– …что он думает об этой роли? Не ложится ли он теперь спать отдельно, опасаясь, что вы придете домой, не выйдя из образа?

Я смеюсь, надеясь, что смех мой звучит естественно. Интересно, не могут ли Бен и Дженнифер Джонс быть знакомы? Они оба работают в «Ти-Би-Эн», но в совершенно разных отделах. Это одна из крупнейших медиакомпаний, поэтому мне раньше и в голову не приходило, что их пути могли пересечься. Кроме того, Бен знает, как я ненавижу эту тетку. Если бы они были знакомы, он бы мне рассказал.

– Обычно я не отвечаю на личные вопросы, но, думаю, мой муж не станет возражать, если я скажу, что он очень ждет этого фильма.

– Похоже, у вас идеальный муж.

Меня беспокоит выражение моего лица, и я пускаю все силы на то, чтобы напоминать ему улыбаться. А вдруг она ДЕЙСТВИТЕЛЬНО с ним знакома? Вдруг он рассказал ей, что я хочу развестись? Вдруг она пришла поэтому? Вдруг они объединились против меня? Нет, у меня паранойя. Все скоро закончится. Просто улыбаемся и машем. *Улыбаемся и машем.*

– Так вы не такая, как она, как героиня фильма «Иногда я убиваю»? – спрашивает Дженнифер Джонс, глядя на меня поверх своего блокнота и вопросительно поднимая слишком сильно выщипанную бровь.

– Я? О, нет. Я даже паука не могу убить.

Кажется, ее лицо сейчас треснет от улыбки.

– Ваша героиня все время бежит от реальности. Вам знакомо это ощущение?

Да. Я убегала всю жизнь.

Меня спасает стук в дверь. Я нужна на площадке.

– Мне очень жаль, но, боюсь, наше время закончилось. Было приятно с вами поговорить, – вру я.

Пока она собирает свои вещи и направляется к выходу из гримерки, мой телефон вибрирует от смс. Едва оставшись одна, я достаю его и читаю сообщение.

Пишет Тони:

> «Нам нужно поговорить, позвони, как сможешь. И нет, я не договаривался ни о каком интервью,

поэтому пусть идут по адресу. Не говори ни с кем из журналистов, пока не поговоришь со мной, что бы они тебе ни рассказывали».

Кажется, я сейчас заплачу.

Шесть

Голуэй, 1987 год

– Тише, зачем ты портишь противными слезами такое милое личико?

Я поднимаю глаза и вижу женщину, которая улыбается мне, стоя возле закрытого магазина. Когда брат накричал на меня, я побежала сюда, я бежала всю дорогу. Мне хотелось только одного: посмотреть на красные туфельки, которые я надеялась получить от кого-нибудь на день рождения. Но в витрине их не оказалось. Их носит кто-то другой – какая-нибудь маленькая девочка, у которой есть и нормальная семья, и красивые туфли.

– Ты потеряла маму? – спрашивает женщина.

Я снова начинаю рыдать. Из рукава своей белой вязаной кофты она достает смятый платок, и я вытираю глаза. Она очень красивая. У нее длинные темные кудрявые волосы, немножко похожие на мои, и зеленые немигающие глаза. Она постарше моего брата, но гораздо младше папы. Ее платье покрыто розовыми и белыми цветами, как будто она оделась в цветущий луг. Точь-в-точь такой я представляю себе

мою маму. Так она могла бы выглядеть, если бы я не повернулась не туда и не убила ее. Я сморкаюсь и возвращаю ей сопливую тряпочку.

– Ну-ну, не волнуйся, этим делу не поможешь. Я уверена, что мы найдем твою маму, – говорит она.

Я не знаю, как ей сказать, что это невозможно. Она протягивает руку, и я вижу, что ногти у нее такие же красные, как те туфельки, о которых я мечтала. Она ждет, когда я возьму ее за руку, а когда я не беру, наклоняется, пока ее лицо не становится вровень с моим.

– Слушай, я понимаю: тебе, наверное, запрещают говорить с незнакомыми и говорят, что некоторые люди очень плохие. И хорошо, что говорят, потому что это правда. Но именно поэтому я не могу тебя бросить здесь одну. Уже поздно, магазины закрыты, на улицах никого, и если с тобой что-нибудь случится, я себе не прощу. Меня зовут Мегги, а тебя?

– Кира.

– Привет, Кира. Приятно познакомиться. – Она пожимает мне руку. – Ну вот. Теперь мы знакомы.

Я улыбаюсь. Она такая милая, она мне нравится.

– Ну, пойдем же со мной, и если мы не найдем твою маму, мы позвоним в полицию, и они отведут тебя домой. Как тебе такой план?

Я размышляю над ее словами. Домой идти очень далеко, а уже темнеет. Я беру симпатичную тетю за руку и иду с ней,

хотя знаю, что домой – это совершенно в другую сторону.

Семь

Лондон, 2017 год

Джек берет мою руку в свои. Он смотрит на меня через стол ресторана в гостинице, и мне кажется, что на нас обращены все взгляды. Невозможно остаться друг другу чужими в реальной жизни, когда столько месяцев проводишь вместе на съемках. Я знаю, что ему приятно держать меня за руку, и его прикосновение кажется более интимным, чем следует. Я боюсь того, что должно случиться, но теперь уже слишком поздно. Слишком поздно делать вид, будто мы не знаем, к чему все идет. Я вижу, что люди смотрят в нашу сторону, люди, которым известно, кто мы. Джек, кажется, чувствует мое беспокойство и ласково сжимает мне пальцы, чтобы придать уверенности. В этом нет необходимости. Когда я приняла решение, меня уже не переубедить – это не под силу даже мне самой.

Не говоря больше ни слова, он расплачивается наличными и поднимается из-за стола. Я беру салфетку с колен и вытираю рот, хотя почти ничего не ела. На кратчайшее мгновение я вспоминаю о Бене – и тут же об этом жалею, пото-

му что стоит мыслям о нем появиться в моей голове, как от них очень сложно избавиться. Я уже и не помню, когда в последний раз Бен звал меня на романтический ужин, когда я, находясь рядом с ним, чувствовала себя привлекательной. С другой стороны, настоящее время главенствует над остальными. Оно свысока смотрит на прошлое и не обращает внимания на соблазны будущего. Я отмахиваюсь от страха, который пытается меня остановить, и иду за Джеком. Несмотря на сомнения, я всегда знала: когда придет время, я пойду за ним.

Джек первым заходит в гостиничный лифт. Двери начинают закрываться, но я не ускоряю шаг, это не обязательно. Железные челюсти открываются снова, и как раз вовремя. Я делаю шаг внутрь, и они проглатывают меня целиком. В лифте мы не разговариваем, просто стоим рядом. Наш биологический вид развил способность скрывать желание, как будто его следует стыдиться, хотя мы созданы именно для того, чтобы нас привлекали другие люди. Так или иначе, ничего подобного я раньше не делала.

Я чувствую, что в лифте мы не одни. Чувствую, что на нас смотрят. С каждым новым этажом я все яснее ощущаю, зачем мы здесь. Когда мы выходим на седьмом этаже, его рука касается моей – вероятно, случайно. Не возьмет ли он меня за руку? Не берет. Никакой романтики. Мы оба знаем: мы здесь не за этим.

Он вставляет карточку в щель на двери, и сперва мне ка-

жется, что карточка не сработает. Потом я уже надеюсь, что не сработает. Тогда у меня было бы еще время в запасе. На самом деле я не очень хочу это делать и удивляюсь, зачем же делаю. Кажется, я всю жизнь провожу, делая то, чего не хочу.

В номере Джек снимает пиджак и швыряет его на кровать резким движением, словно сердится на меня, словно я в чем-то виновата. Его красивое лицо оборачивается ко мне; черты искажены чем-то вроде ненависти и отвращения, как будто они выражают мое собственное мнение обо мне в этот момент, в этой комнате.

– Я думаю, нам нужно поговорить. Ты согласна? – говорит он. – Я женат, – эти слова звучат как обвинение.

– Я знаю, – шепчу я в ответ.

Он делает шаг ко мне.

– И люблю свою жену.

– Я знаю, – снова отвечаю я.

Мне не нужна его любовь, пусть она принадлежит жене. Я отворачиваюсь, но он берет мое лицо в свои руки и целует меня. Я стою абсолютно неподвижно, словно понятия не имею, что делать, и на секунду мне становится страшно, что я не вспомню как. Сначала он так нежен, так осторожен, как будто боится меня сломать. Я закрываю глаза – с закрытыми глазами проще – и отвечаю на поцелуй. Он переходит к решительным действиям быстрее, чем я ожидала: его руки скользят с моих щек на шею, на платье, скрывающее грудь, его пальцы нащупывают границу лифчика под тонким слоем

хлопка. Он останавливается и отстраняется.

– Черт. Что я, черт возьми, делаю? – говорит он, и я пытаюсь вспомнить, как дышать.

– Я знаю. Извини, – отвечаю я, как будто это моя вина.

– Ты как будто завладела моей волей.

– Извини, – говорю я опять. – Я думаю о тебе все время. Знаю, что это неправильно, и, честное слово, изо всех сил старалась не думать, но у меня ничего не вышло. – Мои глаза наполняются слезами.

Он старше меня как минимум на десять лет, и рядом с ним я чувствую себя неопытным ребенком.

– Ничего страшного. Что бы это ни было, ты не виновата. Я тоже о тебе думаю.

После этих слов я прекращаю плакать, как будто эта последняя фраза меняет все. Он берет меня за подбородок и обращает мое лицо к своему. Я изучаю его, пытаюсь понять, есть ли хоть капля правды в его словах. Потом я тянусь поцеловать его, в моих глазах молчаливый призыв. Теперь он не колеблется. Теперь наши жизни – все, кроме этого момента, – похоронены и забыты.

Руки Джека двигаются все ниже по моей груди, умелые пальцы освобождают меня из платья, обнажают черный шелк лифчика. Он поднимает меня и сажает на стол, в процессе сметая на пол меню обслуживания номеров и телефонный аппарат. И не успеваю я сообразить, что происходит, как он уже сверху, он удерживает мои руки и оказывается у меня

между ног.

– Стоп! Снято, – говорит режиссер. – Спасибо, ребята. Мне кажется, мы здесь закончили.

Восемь

Голуэй, 1987 год

Мегги держала меня за руку все время, пока мы не дошли до летнего домика на берегу. Держала так крепко, что иногда было капельку больно. Наверно, она просто боялась, что я снова убегу и что меня, как она говорила, найдет какой-нибудь плохой человек. Но если я и бежала, то только чтобы успевать за ней. Она очень быстро ходит, я ужасно устала. Она все время оглядывалась по сторонам, как будто чего-то боялась, но, пока мы шли закоулками, нам никто не попался, ни плохой, ни хороший.

Домик очень красивый, совсем как Мегги. Нарядная синяя дверь, белые кирпичи – он совсем не похож на наш дом. Внутри почти нет вещей, и когда я спрашиваю почему, Мегги отвечает, что это просто домик, куда приезжают отдыхать. Я этого не знала, потому что ни разу не ездила отдыхать. Сначала Мегги занята, она складывает одежду в чемодан. Потом я думаю, что она будет звонить в полицию, но вместо этого она решает, что мы должны попить чаю и что-нибудь съесть. Это очень приятно. По пути сюда я рассказала Мег-

ги, что нам, по словам брата, еле хватает на еду. Наверное, она и решила, что я голодная.

– Хочешь кусок имбирного пирога? – спрашивает она из маленькой кухни.

Я сижу в самом большом кресле, какое когда-нибудь видела. Мне пришлось на него карабкаться, чтобы сесть. Оно как гора из подушек.

– Да, – отвечаю я.

Я очень довольна, ведь я сижу в удобном кресле и собираюсь поесть пирога с доброй тетей.

Она появляется в дверях. Улыбка, которая все время была на ее лице, теперь исчезла.

– Что «да»?

Сначала я не понимаю, чего она ждет, но потом мне в голову приходит идея:

– Да, пожалуйста? – пробую я.

Улыбка возвращается на ее лицо, и я рада.

Она ставит передо мной пирог, а еще стакан молока, потом включает мне телевизор, а сама уходит в соседнюю комнату звонить по телефону. А я-то уже думала, что она забыла про звонок в полицию, и теперь мне грустно. Мне тут нравится, я бы с удовольствием побыла тут подольше. Мне не слышно, что говорит Мегги по телефону: слишком громко говорят Зиг и Заг[4] по телевизору. Я доедаю пирог и облизы-

---

[4] Персонажи популярного кукольного телешоу, запущенного в Ирландии в 1987 году.

ваю пальцы, а потом пью молоко. По вкусу оно напоминает мел, но мне так хочется пить, что я выпиваю все до конца.

Когда Мегги возвращается в комнату, мне очень хочется спать.

– В общем, я поговорила с твоим папой и боюсь, что твой брат сказал правду: дома на тебя больше не хватит еды. Но ты не волнуйся. Я сказала твоему папе, что ты можешь пожить несколько дней здесь, со мной, а когда там у них все наладится, я отведу тебя домой. Здорово я придумала?

Я размышляю. Тут телевизор, пирог и уютное кресло. Мне кажется, будет приятно пожить тут немного, хотя я буду очень скучать по брату и капельку – по папе.

– Да, – отвечаю я.

– Что «да»?

– Да, пожалуйста. И спасибо.

И только когда она снова выходит из комнаты, я задумываюсь: как она могла поговорить с моим папой? Ведь у нас дома нет телефона.

Девять

Лондон, 2017 год

Перед тем как выйти из машины, я снова смотрю на телефон. Я уже три раза пыталась дозвониться до агента, но все время попадала на автоответчик. Я даже позвонила ему в офис, но помощница сказала, что Тони занят, – и произнесла это таким тоном, словно знала что-то, чего не знаю я. Или у меня просто паранойя. Столько всего происходит, что это не исключено. Попробую позвонить завтра.

Я устало бреду по дорожке к крыльцу. Наш дом погружен во тьму. Я все думаю о Джеке и о том, как он целовал меня на съемочной площадке. Это было так… по-настоящему. Я заворачиваюсь в мысли о нем, как в одеяло, и мне от этого тепло и спокойно. Покров фантазии – гораздо более надежная вещь, чем холодная реальность. Но страсть – это только временное лекарство от одиночества. Я закрываю за собой входную дверь, оставляю желание на улице, в темноте. Включаю свет реальной жизни, и этот свет оказывается слишком ярким, он заставляет меня видеть то, чего я видеть не хочу. В доме слишком тихо и пусто, как в пустой ракушке.

Моего мужа все еще нет.

Я моментально переношусь в прошлое, в тот самый момент, когда его ревность достигла предела, а мое терпение лопнуло, и в результате разразился идеальный супружеский шторм.

Я помню, что он со мной сделал. Я помню все, что происходило той ночью.

Странное это ощущение, когда похороненные воспоминания без предупреждения всплывают в памяти. Как будто из твоих легких высосали весь воздух, а потом тебя сбросили с огромной высоты. Постоянное чувство падения и знание, что ты неизбежно шлепнешься на твердую поверхность.

Мне еще холоднее, чем было минуту назад.

Кажется, тишина стала громче. Я озираюсь по сторонам, лихорадочно всматриваясь в пустое пространство.

Такое чувство, что за мной наблюдают.

Чувство, которое возникает, когда на тебя смотрят, совершенно необъяснимо, но абсолютно реально. В первый момент я застываю на месте и безуспешно пытаюсь убедить себя, что это проделки моего чересчур живого воображения, по понятным причинам перевозбужденного в результате событий последних дней. Затем под действием адреналина мой организм включает реакцию «бороться или бежать», и я спешу из комнаты в комнату, задергивая все занавески и закрывая жалюзи, как будто это щиты из материи. Лучше уж перестраховаться, чем оказаться под наблюдением.

В первый раз сталкерша появилась в моей жизни пару лет назад, вскоре после того, как мы с Беном начали встречаться. Все началось с мейлов, но потом она несколько раз появлялась возле нашего прошлого дома, когда думала, что там никого нет, и подбрасывала нам написанные от руки открытки. Однажды, когда я уезжала в Лос-Анджелес, к нам кто-то проник, и Бен был уверен, что это она. Это была одна из основных причин, по которым я согласилась переехать сюда, в дом, который видела исключительно в Интернете. Бен позаботился обо всем, мы смогли от нее отделаться. Вдруг теперь она нашла меня? Нашла нас?

В ее мейлах и письмах всегда говорилось одно и то же:

Я знаю, кто ты.

Я всегда делала вид, что не понимаю, что это значит.

Я растеряна. Не знаю, что делать, что думать и как себя вести.

Может, мне снова позвонить в полицию? Попросить о новой встрече и рассказать им все, что не рассказала в прошлый раз? Или просто сидеть здесь и ждать? Никто не может знать заранее, как поведет себя, оказавшись на развилке. Вы не можете быть уверены, как поступите, пока это не произошло с вами. Люди оказываются способными на самые неожиданные поступки. Я справляюсь с ситуацией как могу, не подвожу людей больше, чем уже подвела. Я знаю, что что-то упустила. Не только мужа, что-то еще, но я не знаю, что именно. Но вот что я знаю наверняка: единственный чело-

век, на которого я могу рассчитывать в этой ситуации, – это я сама. Держать меня за руку некому. Эта мысль пробуждает воспоминания, моя память перематывается на то время, когда я была маленькой девочкой. Тогда у меня был человек, который всегда с удовольствием держал меня за руку.

Когда я была ребенком, случилось кое-что ужасное.

Я никогда ни с кем об этом не говорила, даже сейчас, по прошествии стольких лет. Некоторыми секретами не стоит делиться. Многочисленные детские врачи, которым меня показывали потом, говорили, что у меня так называемая «преходящая глобальная амнезия». Они объясняли, что мой мозг вытеснил определенные воспоминания, потому что посчитал их слишком тяжелыми и травмирующими, и что это состояние, скорее всего, останется со мной на всю жизнь. Я тогда была ребенком и не отнеслась к их словам серьезно. Я-то знала, что только притворяюсь, будто не помню, что произошло. Долгие годы я не вспоминала о том, какой диагноз мне поставили. До этого момента.

Думаю, что если бы я сняла все деньги с нашего счета и закрыла его, я бы об этом помнила. Я многое думаю. Проблема в том, что я не знаю наверняка.

Я все время вспоминаю о сталкерше.

Постоянно проигрываю в памяти момент, когда увидела ее собственными глазами. Ничего не могу с этим поделать. Это было около года назад, она стояла возле нашего прошлого дома. Я тогда услышала стук почтового ящика и решила,

что это почтальон. Но ошиблась. На коврике у двери картинкой вниз одиноко лежала старомодная открытка. Марки на ней не было. Отправитель принес ее лично. Я помню, как подняла ее, помню, как задрожали мои руки, когда я увидела знакомые неразборчивые каракули.

Я знаю, кто ты.

Я открыла дверь, и там была она. Она стояла на другой стороне улицы и смотрела на меня. Я думала, меня стошнит. Раньше ее видел только Бен, и до этой минуты она оставалась для меня лишь смутным образом. Призраком, в которого я не верила. Все прошлые мейлы и записки не очень меня пугали. Но, увидев ее в реальности, я пришла в ужас: мне показалось, что я ее знаю. Она стояла на некотором расстоянии, большую часть лица скрывали солнечные очки и шарф, но она была одета точь-в-точь как *я*, и в тот момент я подумала, что это *она*. Нет. Это не могла быть *она*.

Заметив меня, она убежала. Бен пришел домой пораньше, и мы позвонили в полицию.

Что-то я маловато беспокоюсь о муже.

Что со мной не так? Я схожу с ума?

Такое ощущение, что происходит что-то ужасное, что-то гораздо более ужасное, чем раньше.

Десять

Голуэй, 1987

Я просыпаюсь и чувствую растерянность. Я не понимаю, где нахожусь.

Темно и холодно. У меня болит живот, и меня немножко тошнит. Так меня обычно тошнит, когда брат катает меня на папиной рыбацкой лодке. Я протягиваю руку в темноте и жду, что пальцы наткнутся на стенку моей комнаты или на маленький столик, сделанный из кусков дерева, выловленных в заливе, но нет. Вместо этого пальцы со всех сторон нащупывают что-то холодное, похожее на железо. Я страшно пугаюсь, но у меня совсем нет сил. Наверное, это сон. Я закрываю глаза и решаю, что сосчитаю до пятидесяти. Если и после этого я не пойму, где нахожусь, тогда я позволю себе заплакать. Я досчитала до сорока восьми, а дальше ничего не помню.

Когда я открываю глаза в следующий раз, я еду на заднем сиденье машины. Машина не папина – чтобы это понять, мне даже думать не нужно, ведь у нас машины больше нет. Папа продал ее, чтобы заплатить за электричество, когда у нас

погас свет. Сиденья этой машины сделаны из красной кожи, и когда я просыпаюсь, мне приходится отдирать от нее лицо и руки, потому что они прилипли.

Какое-то время я смотрю на затылок человека, сидящего за рулем, а потом вспоминаю добрую тетю по имени Мегги. Тогда я сажусь на сиденье как полагается и смотрю в окно, но все еще не понимаю, где я.

– Куда мы едем? – спрашиваю я, протирая глаза. Песчинки, которые оставил песочный человечек, царапают мне щеки[5].

– Совсем недалеко, – говорит Мегги и улыбается мне в маленьком зеркале, которое показывает квадратик ее лица, хоть она и смотрит в другую сторону.

– Ты везешь меня домой, к папе?

– Ты немножко поживешь со мной, помнишь? Дома сейчас тебя нечем кормить.

Точно, я помню, она про это говорила, но я такая сонная, что забыла об этом.

– Поспи еще немного, нам уже недолго ехать. Когда приедем, я тебя разбужу. Там тебя ждет приятный сюрприз.

Я снова ложусь на кожаное сиденье и закрываю глаза, но не сплю. Конечно, я люблю сюрпризы, но мне страшно и я волнуюсь. Мегги кажется мне очень хорошей, но все, что я увидела за окном, было таким странным – дома, заборы, да-

---

[5] Песочный человечек – персонаж западноевропейского фольклора. Считается, что он погружает детей в сон, сыпля им в глаза волшебный песок.

же дорожные знаки.

Может быть, я не права, но, кажется, я очень далеко от дома.

Одиннадцать

Лондон, 2017

Наверное, дома – они в каком-то смысле как дети. Нужно как можно скорее наладить с ними связь, чтобы получить устойчивую эмоциональную привязанность. Даже когда я работала в Лондоне, этот дом всегда был для меня просто местом, где я проводила ночь: так поздно заканчивались съемки. Оставшуюся часть вечера я потратила, перерывая комнаты в поисках фотографии человека, который был моим мужем почти два года. Мне стоило бы учить роль на завтра, но как я могу это делать, когда вокруг все идет наперекосяк? Не то чтобы я беспокоюсь, но у меня куча вопросов – вопросов, которые остаются без ответа, потому что я не решаюсь их задать.

Я смотрю на единственный снимок Бена, который удалось найти. Это его черно-белая детская фотография в рамочке. Мне она страшно не нравится, никогда не нравилась. У меня от нее мурашки по коже. Пятилетний Бен одет в деловой костюм, который смотрится странно на таком маленьком ребенке, но дело даже не в этом. Меня смущает его пронзитель-

ный взгляд, то, как его смеющиеся глаза таращатся из кадра, – словно следят за тобой. Ребенок на фотографии не просто выглядит непослушным или хитрым. Он выглядит злым.

Я просила Бена отнести фотографию к себе в кабинет, чтобы она не попадалась мне на глаза, и помню, что он тогда посмеялся. Не потому, что счел это нелепым, а так, словно фотография была частью розыгрыша, в котором я не участвовала. С тех пор я ее не видела и не думала о ней, но сейчас, когда я смотрю на это черно-белое изображение, она вызывает во мне странные чувства, что-то похожее на ужас и отвращение. Ни у меня, ни у мужа не осталось семьи, мы оба – взрослые сироты. Когда-то мы говорили, что есть только мы, вместе против окружающего мира. Потом ситуация изменилась, и остались мы друг против друга. Этого мы не говорили, только чувствовали.

Бродя в этот вечер по дому, я обращаю внимание на то, как страшно он велик для семьи из двух человек. Нашей жизни не хватает, чтобы заполнить все пустые помещения. Бен дал мне понять – уже *после* свадьбы, – что не хочет иметь со мной детей. Я почувствовала, что меня провели, обманули. Он должен был сказать об этом раньше, он знал, о чем я мечтаю. Даже тогда я считала, что смогу его переубедить, но не смогла. Бен сказал, что чувствует себя слишком старым, чтобы заводить детей на пятом десятке. И когда я пыталась вернуться к этому разговору, он все время повторял одно и то же:

– У тебя есть я, а у меня есть ты. Нам больше никто не нужен.

Как будто мы организовали престижный клуб всего с двумя членами, и его это устраивало. Но меня-то нет. Я так хотела от него ребенка! Это было моим единственным желанием, а Бен отказывал мне в возможности клонировать нас и начать сначала. Разве не об этом все мечтают? Я знаю: его нежелание иметь детей как-то связано с его прошлым, с семьей, но он никогда мне ничего не рассказывал. Он говорил, что в некоторых случаях о прошлом лучше забыть навсегда, и с этим я согласна. Не то чтобы я ему рассказывала правду о своем прошлом. По мере взросления мы обмениваем валюту нашей мечты на реальность.

Я говорю себе, что не может быть так сложно найти хоть одну недавнюю фотографию Бена. Когда-то у нас таких фотографий были полные альбомы, но потом я перестала их делать. Не потому, что воспоминания ничего для меня не значили, а потому, что я всегда думала: мы создадим еще больше воспоминаний. Я знаю, что другие люди любят делиться всеми событиями своей частной жизни, выкладывая фотографии в социальные сети, но мне это никогда не было близко, да и Бену тоже. Тут наши взгляды совпадали. Я слишком много сил потратила на то, чтобы защитить свою частную жизнь, чтобы так вот просто выставить ее на всеобщее обозрение.

Я опускаю лестницу, ведущую на чердак, и взбираюсь по

ступенькам, уверяя себя, что все еще ищу фотографии. Во всех остальных местах я уже смотрела. Предполагалось, что переездом и распаковкой вещей занимается Бен. Наверное, где-то здесь есть коробка, полная старых фотоальбомов, и здесь же хранятся другие наши вещи, которых я не вижу в доме, – книжки, украшения и прочий хлам, следы нашей совместной жизни. Я включаю свет на чердаке.

Я оглушена тем, что предстает моим глазам.

Здесь пусто.

Буквально – пусто. Ощущение, что большая часть жизни, которую я помню, просто исчезла и от нас почти ничего не осталось. Я ничего не понимаю. Словно мы тут и не живем.

Мои глаза продолжают осматривать пыльный пол и паутину в неровном свете единственной лампочки. И тут я замечаю старую обувную коробку в дальнем углу.

Потолок здесь низкий, и я ползу на четвереньках, пытаясь защитить лицо от пыли и пауков, таящихся в темноте. Здесь холодно, и когда я снимаю крышку с коробки, мои руки дрожат. Я заглядываю внутрь и чувствую приступ дурноты.

С коробкой под мышкой я спускаюсь с чердака и гашу за собой свет. В моей душе страх мешается с облегчением. Я боюсь предположить, что это может значить, и рада, что полиция не нашла коробку. Я прячу ее на дно платяного шкафа среди других таких же коробок – в которых лежит то, что и положено. Затем я практически падаю в постель, даже не раздеваясь. Мне просто нужно немножко полежать, иначе я

не переживу завтрашний съемочный день. Я закрываю глаза и тут же вижу лицо Бена, даже фотография мне не нужна. У меня ощущение, что те мы, какими я нас считала, разрушаются от одной лжи к другой, и ничего не остается от нас, кроме развалин брака.

Я начинаю думать, что совершенно не знала своего мужа.

Двенадцать

Эссекс, 1987 год

– Пора просыпаться, – говорит Мегги.

Я и не спала.

Небо за окном машины из голубого стало черным.

– Давай, не копайся, выходи, – торопит она и складывает переднее сиденье, чтобы я могла вылезти. Ее рука принимает сердитую форму, как иногда делают папины руки.

Я стою на тротуаре и вглядываюсь в темноту. Передо мной ряд странных магазинов, которых я раньше не видела. Мегги берет меня за руку и тянет в направлении широкой задней двери. Мне приходится бежать, чтобы не отставать. Ночью она ходит так же быстро, как и днем.

– Где…

– Тсс! – она расправляет руку, которая раньше была согнута, и прикрывает мне рот. Ее пальцы пахнут пеной для ванны. – Уже поздно, не будем будить соседей, помолчи, пока мы не войдем.

Ее рука закрывает мне не только рот, но и нос, так что трудно дышать, но она меня не отпускает, пока я не киваю,

что все поняла.

– Палец к губам, – шепчет Мегги, и я послушно повторяю ее жест, так же поднося палец к губам и изо всех сил стараясь выглядеть точь-в-точь как она.

Она достает из сумки огромную связку ключей – там их, наверно, не меньше сотни, а может, и всего десять. Все они разной формы и размера, они гремят, звенят и производят гораздо больше шума, чем я, когда пыталась заговорить. Она сует ключ в замочную скважину и открывает дверь.

Не знаю, что я ожидала увидеть, но точно не это.

За дверью просто ступеньки. Очень много ступенек. Они уходят так высоко, что мне даже не видно, что там наверху. Как будто лестница ведет на небо, к луне и звездам. Я собираюсь спросить у Мегги, доберусь ли я до звезд, если залезу на самый верх, но мой палец все еще прижат к губам, так что приходится молчать. Ступеньки сделаны из дерева и по краям выкрашены белой краской, а середина оставлена пустой. Прямо рядом с дверью, через которую мы вошли, с левой стороны, есть еще одна дверь, металлическая. Мегги замечает, что я на нее смотрю.

– *Ни за что* не ходи туда без моего разрешения. Ты поняла?

Я киваю, и мне сразу становится ужасно интересно, что там.

– Тогда давай наверх, – говорит Мегги, подталкивая меня вперед и закрывая за нами входную дверь.

Я начинаю подниматься. Ступеньки слишком высокие для моих ножек, поэтому быстро не получается, но когда я замедляю шаг, Мегги торопит меня, тыча пальцем в спину. Взрослые всегда так делают: говорят не ртом, а руками или глазами. Лестница без перил, поэтому я держусь рукой за стену. Стена покрыта дощечками, по виду и на ощупь похожими на пробки от папиного вина. Брат надевал эти пробки на нитку, мастерил для меня короны и ожерелья, и я играла, что я принцесса.

Я очень внимательно смотрю под ноги, чтобы не упасть, но какая-то тень наверху заставляет меня поднять глаза. Надо мной нет ни туч, ни луны, ни звезд. Вместо этого на верху лестницы стоит высокий и худой человек. Он смотрит на меня и улыбается. Он выглядит странно: у него три черные мохнатые брови, третья – над верхней губой, он бледный, как привидение, а когда он улыбается, я вижу, что один из его кривых передних зубов сделан из золота. Я начинаю визжать. Я не хотела визжать. Я помню, что нужно вести себя тихо, но мне так страшно, что визг получается сам собой. Я пытаюсь пойти обратно вниз, но Мегги загораживает дорогу и не пускает меня.

– Сейчас же прекрати орать.

Она хватает меня за руку выше локтя и так сильно ее скручивает, что меня обжигает, как огнем. Я не хочу идти дальше наверх, но вниз она меня не пускает, поэтому я застреваю посередке. Не знаю, где я, но мне здесь не нравится. Я устала

и хочу домой.

Я снова смотрю на мужчину наверху лестницы. Он все еще улыбается, и золотой зуб у него во рту блестит в темноте, как гнилая звездочка.

– Здравствуй, юная леди! Я твой новый папа, но для начала можешь просто звать меня Джон.

Тринадцать

Лондон, 2017 год

– Зовите меня просто Алекс, – говорит она с детской улыбкой.

– Спасибо, но если вы не возражаете, мне больше нравится «инспектор Крофт», – отвечаю я.

Она поджидает меня у входа в дом, когда я возвращаюсь с утренней пробежки. Они оба поджидают. Как обычно, ее дружок средних лет почти не говорит, но мотает себе на ус, и делает это так громко, что его мысли практически можно услышать. Еще нет семи утра.

– У меня сегодня много дел, – говорю я, разыскивая ключи и отпирая дверь.

Мне хочется, чтобы мы все как можно скорее скрылись в доме. С соседями я не знакома, не могла бы назвать имени ни одного из них, но хотя считается, что нас не должно волновать, что думают о нас чужие люди, я предпочитаю подстраховаться.

– Мы просто хотели рассказать вам новости, но можем прийти в другой раз…

– Нет, простите, все в порядке. Просто мне нужно через час быть на студии «Пайнвуд». Сегодня последний день съемок, я не могу их подвести.

– Понимаю, – говорит она, но по тону ясно, что она ничего не понимает. – И много вы сегодня пробежали?

– Не очень, пять километров.

– Удивительно.

– Не так уж это и много.

– Нет, я хотела сказать – удивительно, как вам удается вести себя как обычно: бегать, работать, *играть*, – говорит она с улыбкой.

Что, черт возьми, она имеет в виду?

Я выдерживаю ее взгляд, сколько могу, но потом смотрю на ее молчаливого партнера. Он возвышается над ней, он старше нее как минимум в два раза, но он молчит, как будто воды в рот набрал. Интересно, думаю я, не пытается ли она своим наглым тоном произвести впечатление на этого человека, старшего по званию.

– Вы что, так и будете стоять? Вы позволите ей говорить со мной таким тоном? – спрашиваю я его.

– Боюсь, что да. Она моя начальница, – отвечает он и, как бы извиняясь, пожимает плечами.

Не веря своим ушам, я снова перевожу взгляд на инспектора Крофт и вижу, что улыбка исчезла с ее лица.

– Вы когда-нибудь били мужа, миссис Синклер? – спрашивает она.

Прихожая словно сжимается, поворачивается вокруг меня, пол уходит у меня из-под ног.

– Конечно нет! Я в жизни никого не ударила. Я уже почти готова подать формальную жалобу…

– Перед тем как уехать, я принесу вам бланк из машины. Мы съездили в индийский ресторан, где, по вашим словам, вы ужинали с мужем, когда видели его в последний раз. – Она лезет в сумку и достает оттуда что-то вроде «Айпада». – Там установлены камеры безопасности. – Она пару раз тычет пальцем в экран и поворачивает «Айпад» ко мне: – Это вы?

Я смотрю на наше застывшее черно-белое изображение, на удивление четкое и ясное.

– Да.

– Я так и подумала. Вы хорошо провели вечер? – спрашивает она, снова тыча в экран.

– Какое отношение…

– Мне просто интересно, почему вы его ударили.

Она снова поворачивает ко мне «Айпад» и своим детским пальчиком перелистывает серию изображений на экране. На них видно, что перед тем, как уйти из ресторана, я даю Бену пощечину.

Потому что он обвинил меня в том, чего я не делала. Потому что я была пьяна.

Мои щеки горят.

– У нас была глупая ссора, мы выпили. Это была просто пощечина, – говорю я, и мне стыдно слушать собственные

слова.

– Вы часто даете ему *пощечины*?

– Нет, ни разу до этого случая: я была расстроена.

– Он чем-то вас оскорбил?

«Успешные актрисы или красивы, или хорошо играют. Зная, что про тебя нельзя сказать ни того, ни другого, я никак не пойму, с кем же ты переспала, чтобы получить роль».

Слова, которые сказал Бен в тот вечер, преследуют меня. Наверное, я никогда их не забуду.

– Не помню, – вру я, потому что мне стыдно сказать правду.

Последние несколько месяцев мы с Беном жили в тени подозрения. Гора недоверия возникла из-за песчинки непонимания. Он думал, что у меня роман на стороне.

Алекс Крофт глядит на своего напарника, потом снова на меня.

– Вы знаете, что треть телефонных звонков с заявлением о домашнем насилии в этом городе мы принимаем от жертв-мужчин?

Да как она смеет?

– Мне пора.

Она не обращает на мои слова никакого внимания и достает из кармана пару голубых перчаток.

– В кошельке вашего мужа был чек с заправки за тот вечер, когда вы в последний раз его видели. Вы не против, если мы взглянем на его машину?

– Если вам это поможет.

Кажется, она ждет. Я не знаю чего.

– Его ключи у вас?

Они следуют за мной в гостиную.

– Вы уже рассмотрели версию со сталкершей? – спрашиваю я, доставая ключ от машины Бена из комода и сжимая его в кулаке, – сама не знаю зачем.

Она смотрит на меня тяжелым взглядом и отвечает не сразу.

– Вы все еще думаете, что та женщина могла иметь какое-то отношение к исчезновению вашего мужа?

– Я не вижу, как можно это исключить…

– Это ваш ноутбук?

Она показывает на маленький столик в углу комнаты. Я киваю.

– Мы посмотрим?

Теперь моя очередь колебаться.

– Вы говорили, что все началось с мейлов? Может быть, мы сможем установить, кто отправлял их. Упакуй его, Уейкли, – говорит она напарнику.

Он послушно надевает собственную пару перчаток, достает из внутреннего кармана прозрачный полиэтиленовый пакет и забирает мой ноутбук.

– Миссис Синклер? – говорит инспектор Крофт, сложив руки на груди.

– Да?

– Ключ от машины вашего мужа. Пожалуйста.

Мои пальцы неохотно разжимаются, и она берет ключ. На ладони остается отпечаток ключа – в том месте, где я сжимала его слишком сильно. Я не успеваю ничего сказать, а она уже идет к выходу, и мне остается только поспешить следом.

Она отпирает красную спортивную машину Бена, открывает водительскую дверь и заглядывает внутрь. Я помню тот день, когда купила ему эту машину. Это была своего рода искупительная жертва, поднесенная, когда дела на домашнем фронте достигли своего предыдущего минимума. Мы спонтанно рванули в Котсуолд – крыша была откинута, моя юбка задрана, его рука летала от моих коленей к рычагу передач и обратно, – а потом притормозили у мотеля, где были свободные номера. Я помню, как мы смеялись, как занимались любовью перед камином, как съели дрянную пиццу и выпили бутылку хорошего портвейна. Мне нравилось то, как страшно ему хотелось коснуться меня, обнять меня, трахнуть меня в те времена. Но все изменилось, когда я заговорила о детях. Он любил меня. Он просто не хотел мной делиться.

Я скучаю по нам, какими мы были тогда.

А потом я нашла чужую помаду у нас под кроватью.

– Я понимаю, как вам сейчас непросто… – говорит инспектор Крофт, возвращая меня к реальности.

Она еще немного наклоняется и сует ключ в зажигание. Приборная панель освещается, и радио начинает тихо петь нам популярную песню о любви и о лжи. Потом Крофт об-

ходит машину, распахивает пассажирскую дверцу и открывает бардачок. И только увидев своими глазами, что он пуст, я понимаю, что задерживала дыхание. Она шарит под сидениями, но, судя по всему, ничего не находит.

– Когда исчезает любимый человек, супругу всегда тяжело, – говорит инспектор, глядя на меня.

Потом закрывает дверь, обходит машину сзади и устремляет взгляд на багажник. Как и я. Как и второй полицейский.

– Наверное, сейчас вы нервничаете, – говорит она и открывает крышку.

Мы, все трое, заглядываем внутрь.

Там пусто.

Я снова вспоминаю, как дышать. Не знаю точно, что я ожидала там увидеть, но я очень рада, что там ничего нет. Мои плечи расслабляются, я начинаю чувствовать себя свободнее.

– Чего-то я тут не понимаю, – говорит инспектор Крофт, закрывая багажник.

Ее слова заставляют меня напрячься снова. Она возвращается к передней части машины и вынимает ключ. Радио замолкает, и кажется, что тишина сейчас проглотит меня. Я наблюдаю, как она стягивает перчатки со своих миниатюрных рук, а потом пытаюсь заговорить, но мой рот словно не способен произнести нужные слова. У меня такое чувство, будто я оказалась в своем персональном аду.

– Чего вы не понимаете? – спрашиваю я в конце концов.

– Ну, просто, если последнее место, где побывал ваш муж перед исчезновением, – это заправка, не кажется ли вам немного странным, что бак почти пуст?

Четырнадцать

Эссекс, 1987 год

Я застряла посреди самой длинной лестницы на свете и рыдаю, потому что думаю, что мой папа умер. Почему бы еще незнакомый человек в незнакомом месте мог сказать, что он мой новый папа? Он все еще говорит, но я ничего не слышу, потому что плачу слишком громко. Он говорит не как ирландец, не как мы с Мегги. Его речь звучит незнакомо, и мне это совсем не нравится.

– Уйди с дороги, Джон, не нависай над ребенком, – говорит Мегги, когда мы добираемся до верха лестницы.

Передо мной четыре деревянных двери. Все они некрашены, все закрыты. Мегги берет меня за руку и ведет к самой дальней из них. Я боюсь увидеть, что там внутри, и закрываю глаза, из-за чего начинаю немножко спотыкаться. Мегги так крепко держит меня за руку, что ногам достаточно просто поспевать за ней.

Когда я снова открываю глаза, я стою в комнате какой-то маленькой девочки. Моя комната дома совсем не такая, там запятнанный бурый ковер и серые занавески, которые ко-

гда-то были белыми. Такие комнаты, как здесь, я видела только по телевизору. Тут есть кровать, стол и шкаф, все белого цвета. Ковер розовый, а занавески, обои и покрывало покрыты радугами и картинками с рыжеволосой девочкой.

– Это твоя новая комната. Нравится? – спрашивает Мегги.

Мне нравится. Я сама не знаю, почему вдруг писаю в штаны.

Со мной такого не случалось очень давно. Может быть, меня так напугали стены из пробки, длинная лестница и человек с золотым зубом. Я чувствую, как горячая струя бежит по моей ноге, и ничего не могу поделать. Я надеюсь, что Мегги не заметит, но, посмотрев на ковер, вижу темное пятно между своими туфлями. И тут Мегги тоже замечает пятно, и ее улыбчивое круглое лицо становится сердитым и заостренным.

– Писаются только малявки, – говорит она и сильно бьет меня по лицу.

Я видела, как папа так бил моего брата, но со мной так никто раньше не поступал. Мне очень больно, и я снова начинаю плакать.

– Не реви, это просто пощечина, – говорит Мегги.

Потом она поднимает меня с пола, держа как можно дальше от себя на вытянутых руках. Она идет обратно в коридор и проходит в другую дверь, ближнюю к лестнице. Это кухня, совсем крошечная. Пол покрыт полосками странного мягкого зеленого ковра, исписанного словами, а шкафчи-

ки все разных форм и размеров и сделаны из дерева разных цветов. На другом конце кухни еще одна дверь, она ведет в ванную. В ванной все зеленое: унитаз, раковина, ванна, ковер и кафель на стене. Наверное, Мегги очень нравится этот цвет. Она ставит меня в ванну и выходит, но тут же возвращается, неся в руках огромный черный мусорный мешок. Я пугаюсь, что она собирается выбросить меня в мусор.

– Раздевайся, – говорит она.

Не хочу.

– Я сказала – раздевайся!

Я не шевелюсь.

– Сейчас же, – приказывает она, словно с трудом протиснув слово сквозь зубы.

Она выглядит очень сердитой, так что я слушаюсь.

Когда вся моя одежда, включая мокрые трусы, оказывается в мусорном мешке, она берет маленький шланг из белого пластика, надетый на кран в ванне.

– Бойлер сломался, придется обойтись так, – говорит она и начинает поливать меня из шланга.

От ледяной воды у меня перехватывает дыхание, как тогда, дома, когда я упала из лодки и холодное черное море пыталось меня проглотить. Мегги выдавливает шампунь мне на голову и грубо втирает его в волосы. На желтом флаконе написано «без слез», но я плачу. Покрыв меня мылом с головы до ног, она снова целиком обливает меня холодной водой. Я стараюсь стоять спокойно, как она велела, но меня

трясет, а мои зубы стучат, как зимой.

Закончив, она вытирает меня жестким зеленым полотенцем, ведет обратно в мою новую спальню и сажает на покрытую радугами кровать. На мне ничего нет, мне холодно. Мегги на минуту выходит из комнаты, и я слышу, как она разговаривает с мужчиной, который говорил, что он мой новый папа, хотя я видела его в первый раз в жизни.

– Она выглядит точь-в-точь так же, – говорит он, и Мегги возвращается со стаканом молока.

– Выпей.

Я беру стакан обеими руками и делаю пару глотков. У молока странный привкус, оно напоминает мел, совсем как то молоко, которое она давала мне в доме для отдыха.

– Все до дна, – командует Мегги.

Когда стакан пустеет, я вижу, что ее лицо снова круглое и улыбчивое. Я рада. Другое ее лицо мне не нравится, я его боюсь. Она открывает комод и достает оттуда розовую пижаму. Помогает мне одеться и подводит к зеркалу.

Первым делом я обращаю внимание на волосы. Они гораздо короче, чем были, когда я смотрела на себя в прошлый раз. Теперь они по подбородок.

– А где мои волосы? – спрашиваю я и начинаю плакать.

Мегги замахивается рукой, и я замолкаю.

– Они были слишком длинные, их пришлось постричь. Они отрастут обратно, – говорит она.

Я смотрю на маленькую девочку в зеркале. На верхней ча-

сти ее розовой пижамы написано слово из четырех букв: Эйми. Я не знаю, что это значит.

– Хочешь сказку на ночь? – спрашивает Мегги, и я киваю, что да.

– Тебе кошка язык откусила?

Никакой кошки я не видела, и язык, кажется, все еще во рту. Чтобы в этом убедиться, я болтаю им за губами. Мегги подходит к полке, где лежат разноцветные журналы, и берет из стопки верхний:

– Читать умеешь?

– Да, – отвечаю я и немножко выдвигаю подбородок – сама не знаю зачем. – Меня брат научил.

– Молодец брат. Тогда ты можешь это почитать. Тут целая стопка журналов «Сказочник» и еще кассеты, так что бери, когда захочешь. Вот Гобболино, твой любимый, – говорит она, бросая журнал на кровать. – Ведьмин кот, – поясняет она, потому что я молчу. Кошки мне совершенно не нравятся, и я хочу, чтобы она перестала о них говорить. – Раз ты умеешь читать, скажи мне, что написано у тебя на пижаме.

Я смотрю на пижаму сверху вниз, но теперь буквы вниз головой.

– Здесь написано «Эйми», – говорит Мегги, читая надпись за меня. – Теперь тебя так зовут. Это значит «Любимая». Ты же хочешь, чтобы люди тебя любили, правда?

– Но меня зовут Кира, – говорю я, поднимая на нее глаза.

– Уже нет, и если ты хоть раз произнесешь это имя под

этой крышей, у тебя будут крупные неприятности.

Пятнадцать

Лондон, 2017 год

У меня проблемы.

Совершенно ясно, что у инспектора уже сложилось обо мне определенное мнение, но она не права. Единственное, в чем я виновата, – это притворство, притворство в отношениях. Все мы иногда притворяемся, что нам нравится кто-то или что-то: неудачный подарок, новая стрижка у подруги, муж. Мы так наловчились в этом, что можем провести даже сами себя. Это скорее лень, чем обман. Если признать, что любви больше нет, придется что-то с этим делать. Притворство в отношениях – сегодня обычная вещь.

Как только инспекторы уходят, я запираю за ними дверь, мечтая отгородиться от всего мира. Наверное, теперь можно добавить полицейских в список тех людей, кто считает, что знаком со мной. В этом списке уже есть журналисты, поклонники и мои так называемые друзья. Но они меня не знают. Они знают только ту версию, которую я им показываю. Колеса моей памяти крутятся в обратном направлении, как будто их заклинило в режиме заднего хода, и я снова проживаю тот

вечер и вспоминаю события, которые мне совсем не хочется вспоминать. Инспектор Крофт права: мы действительно поругались в ресторане. Бен снова обвинял меня в измене. Я так старалась его разубедить, но он сердился все больше и больше.

«Успешные актрисы или красивы, или хорошо играют…»

Чем больше он пил, тем хуже становилось.

«про тебя нельзя сказать ни того, ни другого…»

Как будто он специально хотел сделать мне больно, добиться какой-то реакции.

«с кем же ты переспала, чтобы получить роль»

Ему это удалось.

Я не собиралась бить его по лицу, я знаю, что была не права, мне очень стыдно, что так вышло. Но я всю жизнь считала, что недостаточно хороша, и его жестокие слова так метко и сильно попали в мое слабое место, что что-то щелкнуло у меня внутри. Мне всегда казалось, что я ничего не умею и что как бы я ни старалась, я ни на что не гожусь. Если мой муж это видит, то, конечно же, рано или поздно это увидят и все остальные.

Я ответила не только физически. Я сказала, что прошу развода, потому что хотела отомстить. Если бы он позволил мне завести ребенка, о котором я так мечтала, я бы в тот же миг бросила карьеру, которая, по словам Бена, стояла между нами, но он всегда отвечал одинаково: нет. Он мне во многом не доверял. Мы могли неделями, а то и месяцами жить

без намека на близость, как будто я могла забеременеть от случайного прикосновения. Сейчас я до боли одинока.

Я никогда не забуду, что он сказал, когда я выходила из ресторана, не забуду выражения его лица, которое увидела, обернувшись. Не думаю, что это алкоголь ему ударил в голову. Казалось, он говорит всерьез.

Если ты уйдешь, я тебя уничтожу.

Я поднимаюсь на второй этаж, стаскиваю с себя одежду для бега и принимаю душ. Вода слишком горячая, но я не даю себе труда настроить температуру. Я позволяю воде обжигать мою кожу, словно думаю, что заслужила боль. Потом иду в спальню, чтобы одеться на работу. Медленно открываю шкаф, как будто внутри может таиться что-то ужасное. Так и есть. Я наклоняюсь, достаю обувную коробку, которую нашла на чердаке, и, прежде чем открыть крышку, сажусь на кровать. Какое-то время я просто смотрю на содержимое коробки, словно боюсь, что оно обожжет мне пальцы. Потом достаю стопку простых старомодных открыток и выкладываю их поверх постели. Их, наверное, больше пятидесяти. Желтоватый картон теряется на фоне белого одеяла, и неразборчивые слова, написанные черными чернилами на каждой из них, еще больше притягивают мой взгляд. Все открытки одинаковы: те же слова, тот же корявый женский почерк, та же рука.

Я знаю, кто ты.

Я думала, что мы все их выбросили. Не знаю, зачем Бен их

сохранил. Наверное, как улику… на случай, если сталкерша появится снова.

Дрожащими руками я складываю открытки обратно в коробку и задвигаю ее под кровать. Прятать правду от себя – все равно что прятать ее от других, просто правила игры в этом случае жестче.

Одевшись, я возвращаюсь на первый этаж и останавливаюсь рядом с огромной охапкой цветов на кухонном столе, к которой приложена крошечная записка со словом «извини». Обеими руками я поднимаю цветы со стола. Моя нога нащупывает педаль огромной мусорной корзины из нержавейки. Крышка послушно поднимается, готовая проглотить мой мусор, и заодно показывает мне свой. Мои руки нависают над корзиной, а глаза пытаются расшифровать, что видят: две пустые бутылки из черного пластика, которых я раньше не видела. Я достаю одну бутылку и читаю этикетку. Жидкость для розжига? У нас даже гриля нет. Я кладу пустую бутылку обратно и сверху запихиваю цветы. Куча лепестков и колючек скрывает все, что находится ниже.

Шестнадцать

Эссекс, 1987 год

Я просыпаюсь в бело-розовой спальне. У меня жутко болит живот. Я вижу дневной свет за занавесками, украшенными маленькими радугами, но когда я их раздвигаю, то нахожу решетку на окне, а за ней – огромное серое небо. Я хочу есть и чувствую запах гренок, поэтому прокрадываюсь к двери и прислушиваюсь. Мои пальцы дотягиваются до ручки – она выше, чем дома, – и когда я медленно открываю дверь, она шуршит по ковру. Я изо всех сил стараюсь не шуметь.

Стены в коридоре выглядят так, как будто их ободрали. В доме очень холодно. Я делаю шаг вперед, и что-то кусает меня за ногу, больно. Посмотрев вниз, я вижу, что пол здесь тоже покрыт зеленой губчатой штукой – такую же я вчера видела на кухне. По краям лежат тонкие рыжие деревяшки, из которых торчат маленькие блестящие колючки. Я наклоняюсь потрогать одну колючку, и на моем пальце набухает капля крови. Я кладу палец в рот и сосу, пока не перестает быть больно.

Я иду на запах гренок, стараясь не наступать больше на ко-

лючки, и останавливаюсь возле первой двери. Дверь заперта, и я иду дальше. Следующая дверь приоткрыта, из-за нее доносится звук телевизора. Я пытаюсь что-нибудь разглядеть сквозь щель, но скрип двери меня выдает.

– Это ты, Эйми? – спрашивает Мегги.

Меня зовут Кира, и я не знаю, что отвечать.

– Иди сюда, не стесняйся, теперь это твой дом.

Я толкаю дверь сильнее и вижу Мегги. Она сидит в постели рядом с мужчиной с золотым зубом. Улыбка у него дырявая, как будто сносилась от частого использования, а в черных волосах на лице видны белые крошки гренок. В очках отражается телевизор. Я поворачиваюсь посмотреть на экран и вижу надпись «TV-утро», которая сменяется изображением мужчины и женщины, сидящих на диване. Стенки в этой комнате такие же, как в коридоре, – пятнистые и голые, и ковра тут тоже нет, а есть такая же зеленая пружинящая штука.

– Иди сюда, лезь к нам, холодно. Подвинься, Джон, – говорит Мегги.

Он улыбается и хлопает по местечку между ними на кровати. Я дрожу от холода, но не хочу залезать к ним в кровать.

– Давай, – говорит она, видя, что я не двигаюсь с места.

– Заскакивай, – говорит он, приподнимая одеяло.

Скачут кролики. А я не кролик.

Я вижу, что на Мегги нет ничего, кроме ночной рубашки. Ее худые ноги выглядывают из-под одеяла, а длинные куд-

рявые темные волосы свисают ниже плеч, и мне становится жалко, что мои теперь не такие длинные. Я забираюсь в кровать рядом с Мегги, но только потому, что ее веселое лицо выглядит так, словно готово превратиться в сердитое, если я не послушаюсь.

В спальне у Мегги беспорядок, что очень странно: сама она кажется такой чистой и аккуратной. Везде валяются грязные чашки и тарелки, по углам громоздятся стопки газет и журналов, по полу разбросана одежда. Одеяло чем-то пахнет: не знаю, чем, но чем-то неприятным. Мы все сидим и смотрим в экран, но вдруг мой живот так громко бурчит, что, наверное, все это слышат.

– Хочешь, я сделаю тебе завтрак? – спрашивает Мегги, когда начинается реклама.

– Да.

Ее лицо изменяется, и я, пока не поздно, добавляю «пожалуйста».

– Что ты хочешь? Можешь попросить что угодно.

Я бросаю взгляд на одну из грязных тарелок с корками:

– Гренки?

Она делает притворно грустное лицо, как у клоуна.

– Боюсь, что твой папа доел весь хлеб.

Сначала я теряюсь, но потом вспоминаю, что она говорит о человеке с золотым зубом.

– Не забивай свою хорошенькую головку, я сделаю твой любимый завтрак, я пулей.

Я не знаю, что значит «пуля».

Мегги выходит из комнаты, и я радуюсь, что она не закрыла дверь. Не хочу оставаться наедине с Джоном. Он выглядит так, как будто носит ковер на груди, но вблизи видно, что это тоже волосы. Кажется, у него жутко много волос. Он тянется куда-то мимо меня, и я отклоняюсь в сторону. Он берет пачку сигарет, зажигает одну и стряхивает пепел в пустую чашку, смеясь над чем-то по телевизору.

Мегги возвращается с тарелкой в руке, что странно, потому что она собиралась сделать мой любимый завтрак, а я больше всего люблю кашу с медом. Дома брат варил мне кашу с медом, и я всегда ее ела из своей любимой синей мисочки, хотя от нее откололся кусочек. Брат сказал, что мисочка все равно может быть моей любимой, даже со сколом. Он сказал, что немножко поврежденные вещи все равно могут быть красивыми.

– Ну, вот. Налетай, – говорит Мегги.

Она залезает обратно под одеяло, и ее ледяные голые ноги касаются моих пяток.

– Что это? – спрашиваю я, глядя в тарелку.

– Это же твоя любимая еда, глупышка. Печенье с маслом. Съешь все до крошки, нам нужно тебя немножко откормить, больно уж ты похудела.

Мне кажется, что я выгляжу точно так же, как и вчера и позавчера.

Я смотрю на Мегги, потом на тарелку, потом снова на

Мегги и не знаю, что делать. Потом беру один из кружочков и замечаю, что на нем, на нижней стороне, написано его имя. Совсем как мое имя написано на моей пижамной рубашке. Я про себя повторяю буквы: **ДИЖЕСТИВ**.

– Ну же, кусай, – говорит Мегги.

Мне не хочется.

– Ешь. Это.

Я откусываю маленький кусочек и медленно-медленно жую. На вкус это чистое масло, мне даже становится немного тошно.

– Что надо сказать? – спрашивает она.

– Спасибо?

– Спасибо – что?

– Спасибо, Мегги?

– Нет, не Мегги. С этого момента называй меня мамой.

Семнадцать

Лондон, 2017

Кажется, сегодня день, когда все происходит в последний раз.

Последний день, когда я въезжаю в ворота студии «Пайнвуд».

Последний раз, когда мне приходится играть этого персонажа.

Мой последний шанс.

Я сижу перед зеркалом в гримерке, пока другие люди укладывают мне волосы и маскируют недостатки моего лица. Сегодня я сама не своя, и даже не уверена, что помню, кто я вообще такая. Когда заканчиваются съемки, у меня всегда бывает период траура: столько месяцев тяжелой работы, и вот они подошли к концу. Но этот последний день кажется даже более зловещим, чем обычно. Мне непросто скрывать от окружающих, что происходит, но осталось продержаться всего один день. Кроме того, я знаю, что в этом я не одинока. Всем нам ежедневно приходится решать, какими секретами делиться, а какие приберечь на потом, чтобы они со време-

нем стали вкуснее.

Оставшись снова одна, я смотрю в зеркало, сомневаясь, мое ли там отражение, и вдруг мой взгляд падает на незнакомую вещь. Нина, прекрасная женщина, которая умеет, как по волшебству, преобразить мои волосы, забыла свой журнал. Я принимаюсь листать страницы, скорее от скуки, чем из любопытства, и натыкаюсь на целый разворот, посвященный Алисии Уайт.

Женщина, улыбающаяся с огромной отфотошопленной фотографии, ходила в ту же среднюю школу, а потом в то же театральное училище, что и я. Училась она на год старше, но как-то умудряется выглядеть моложе меня лет на десять. Алисия Уайт тоже актриса. Плохая. Сейчас у нас общий агент, и она постоянно напоминает мне, что ей он предложил контракт раньше. Со мной Алисия только о нем и говорит, как будто мы с ней участвуем в каком-то тайном соревновании. Она стремится унизить меня при каждой встрече, словно следит, чтобы я не забывала свое место. Это совершенно лишнее: я никогда не была о себе высокого мнения.

Глядя на фотографию Алисии, я вспоминаю о Тони. Он просил меня перезвонить, а я пока так до него и не дозвонилась. Мои пальцы нашаривают мобильный в сумке, и я делаю еще одну попытку. Голосовая почта. Тогда я набираю номер офиса, хотя терпеть не могу туда звонить, и после второго гудка трубку берет его помощница.

– Да, конечно, он свободен, – говорит она веселым голосом и переключает меня.

В трубке играет классическая музыка с металлическим призвуком, нагоняя на меня еще большую тревогу. Какое облегчение, когда она наконец заканчивается и Тони подходит к телефону. Только это не Тони.

– Простите, пожалуйста, я ошиблась, – шепчет помощница в трубку. – Он на встрече, он вам перезвонит.

Она отключается раньше, чем я успеваю спросить, когда именно.

Я снова смотрю в журнал, пытаясь хоть чем-то отвлечься от растущего списка забот, толпящихся в голове. Наверно, дела мои совсем плохи, раз я обращаюсь к статье об Алисии Уайт.

Раньше у меня не было собственного агента. Если честно, еще каких-то полтора года назад никто не рвался меня представлять. Мной занималось агентство, и оно почти ничего не делало, только рассылало мою фотографию разным потенциальным работодателям и требовало пятнадцать процентов от гонорара, когда мне удавалось получить работу. В принципе, работа у меня была всегда, но далеко не всегда та, о которой я мечтала. Когда мы с Беном поженились, я была дублером в пьесе на Шафтсбери-авеню. Однажды исполнительница главной роли заболела, и мне пришлось ее заменить. Случилось так, что жена моего агента сидела в тот вечер в зрительном зале и рассказала обо мне мужу. Я в вечном

долгу перед ней. У меня появился агент, а через несколько недель я получила и первую роль в кино.

Чтобы ваша жизнь изменилась навсегда, иногда достаточно того, чтобы в вас поверил один человек. И иногда достаточно, чтобы один человек в вас не верил, чтобы все разрушилось. Люди – крайне чувствительный биологический вид.

Я даю уставшим глазам немного передохнуть и снова смотрю на фотографию Алисии, а потом роняю журнал на колени, потому что лицо на фотографии вдруг становится объемным и начинает со мной разговаривать. Из красного бумажного рта Алисии вылетают, как по списку, все едкие замечания, которые она говорила мне лично.

«Когда *мы* с Тони заключали контракт, он пригласил меня на ланч в модный ресторан. Но *я* ведь пользовалась таким спросом, не то что *ты! Все* боролись за право *меня* представлять», – говорит напечатанная Алисия и взмахивает длинными светлыми волосами. Осветленные пряди струятся, как бумажные ленты, со страницы ко мне на колени.

«Я *так* удивилась, когда он нанял *тебя*, все вокруг удивились!» – добавляет она и морщит свой идеальный бумажный нос.

«Хорошо с его стороны было дать тебе шанс, но он вообще известен любовью к благотворительности». Она достает из кошелька купюру в пятьдесят фунтов, скатывает в трубочку и поджигает конец. Потом затягивается, как сигаретой, и выдыхает облако дыма мне в лицо. Глаза начинает щипать, и

я убеждаю себя, что именно поэтому они наполняются слезами.

«Не то чтобы твое лицо вписывалось в ряд его других клиентов, оно вообще никуда не вписывается». Тут она права, я действительно никуда не вписываюсь, так было всегда.

«Ты же понимаешь, что рано или поздно он от тебя откажется? Причем, наверное, скоро. И ты *никогда больше не найдешь работу*!» Она запрокидывает голову и хохочет, как киношный злодей. Крошечные черно-белые слова разбегаются у нее изо рта, а белые страницы собираются складками вокруг ее глаз.

Меня будит чей-то смех за дверью гримерки, и я понимаю, что задремала в кресле и видела сон. Я уже три ночи почти не спала и так устала, что, наверное, теряю рассудок. Я вырываю Алисию из журнала, сминаю ее лицо и бросаю в мусорное ведро. Теперь, когда она исчезла, мне сразу становится легче.

Алисия Уайт меня ненавидит, но почему-то не может оставить в покое. За последние несколько месяцев она скопировала мою стрижку (хотя приходится признать, что ей эта стрижка идет больше, как и все остальное) и мой стиль, она даже использовала несколько моих ответов в интервью – буквально скопировала их *слово в слово*. Полное впечатление, что она хочет *быть* мной. Разве что волосы у нее высветлены перекисью. Говорят, что подражание – это самая непритворная форма лести, но я чувствую себя не польщен-

ной, а взбешенной.

Кроме агента и профессии, у нас нет ничего общего. Для начала, она красивая, по крайней мере, снаружи. Внутри – другое дело, тут ей стоило бы научиться лучше маскироваться. В некоторых профессиональных областях, может, и выгодно быть стервой, но не в нашей. Люди обсуждают друг друга, и об Алисии редко можно услышать хорошее. Я, видимо, никогда не смогла бы стать агентом, потому что соглашалась бы представлять только приятных людей.

Что-то не дает мне покоя, и я чувствую необходимость не только перезагрузиться, но и промотать обратно. Я лезу в ведро, достаю смятую в комок бумагу и разглаживаю лицо Алисии ладонью. Разглядываю ее лицо, глаза, ярко-красные губы. Потом читаю последние вопрос и ответ в статье, и мне становится физически нехорошо.

Без каких трех предметов косметики вы никогда не выходите из дома?

Очень просто! Без туши, карандаша для глаз и без моей любимой помады Chanel Rouge Allure.

Название помады мне знакомо. Оно отпечаталось у меня в голове, написано поперек мозга нестираемыми чернилами. Именно эту помаду я нашла под своей супружеской кроватью в прошлом году, когда вернулась со съемок.

Неужели Алисия Уайт спала с моим мужем?

Помощник режиссера вызывает меня стуком в дверь. Я сминаю лицо Алисии в комок еще туже, бросаю его обрат-

но в ведро и выхожу из гримерки. Пока гольф-кар везет нас по съемочной площадке, мы вежливо беседуем. Помощник режиссера еще совсем молод и беспокоится о вещах, которые перестанут его волновать, когда он станет старше. Все мы были такими, пока еще не знали, что готовит нам жизнь. Я слушаю его печальную повесть, иногда вставляя слова сочувствия. Едем мы со скоростью не более двадцати миль в час, и я наслаждаюсь легким ветерком в лицо, запахом стружек и краски – так всегда пахнет на съемочных площадках, – и, вдыхая этот запах, я чувствую себя дома.

Художники-декораторы месяцами возводят новые миры, а по завершении съемок уничтожают их, словно их никогда не было. Это напоминает расставание с любимым, только более осязаемое и менее болезненное. Иногда трудно попрощаться с персонажем, в которого воплотился. Я провожу с ними столько времени, что они становятся для меня чем-то вроде семьи, – потому, наверное, что настоящей семьи у меня нет.

Когда гольф-кар делает последний поворот, уровень моего беспокойства достигает критической отметки. Я не репетировала сегодняшний текст так добросовестно, как обычно: на это просто не было времени. Поток тревожных мыслей в моей голове остановился, как бывает с машинами в час пик, а я словно застряла в пробке там, где мне быть не хочется.

Пункт нашего назначения – просторный ангар, где находится большая часть декораций для «Иногда я убиваю». Пе-

ред входом я замираю в нерешительности. Мои мысли так заняты тем, что происходит сейчас в моей личной жизни, что на мгновение я забываю, какую сцену мы собираемся снимать.

– Ты здесь, отлично. Сегодня тебе нужно как следует постараться, Эйми, – бросает режиссер, заметив меня. – Мы должны поверить, что героиня способна убить своего мужа, – добавляет он, и мне становится нехорошо.

Я словно застряла внутри дурацкой шутки в натуральную величину.

Я стою в декорациях своей вымышленной кухни, жду, когда вернется домой мой вымышленный муж и вижу, как Джек улыбается мне перед первым дублем.

К двадцатому дублю уже никто не улыбается.

Я все время забываю слова, хотя обычно со мной такого не бывает. Уверена, что коллеги-актеры и съемочная группа меня за это ненавидят. После этой сцены я могу ехать домой, а они нет. Снова стучит хлопушка, режиссер командует «мотор», и я изо всех сил стараюсь на этот раз все сделать правильно.

Я наполняю свой бокал (отпить из него не придется) и притворяюсь удивленной, когда Джек подходит сзади и обнимает меня за талию.

– Дело сделано, – говорю я, оборачиваясь и глядя на него снизу вверх.

Выражение его лица изменяется в точности так же, как и

предыдущие девятнадцать раз:

– Ты о чем?

– Ты знаешь о чем. Все сделано. Все улажено, – отвечаю я, поднося бокал к губам.

Он делает шаг назад:

– Я не думал, что ты на самом деле это сделаешь.

– Он не смог дать мне то, что было нужно, но ты сможешь, я знаю. Я люблю тебя. Я хочу быть с тобой, и больше никто не встанет у нас на пути.

Слово «снято» звенит у меня в ушах, и по выражению лица режиссера я понимаю, что на этот раз у меня все получилось. Сейчас он пересмотрит этот дубль, и я свободна.

Я треплюсь с Джеком на свежем воздухе у павильона, и тут вдали снова появляется гольф-кар. Сначала, не обращая на него внимания, я продолжаю обсуждать сроки постпродакшена, но вдруг замечаю что-то знакомое в силуэте женщины, приближающейся к нам.

Не может быть.

Инспектор Алекс Крофт улыбается во весь рот. Я и не подозревала, что на ее крошечном лице может поместиться такая широкая улыбка. Гольф-кар останавливается прямо рядом с нами, и она, сияя, высаживается. Ее напарник, сохраняя серьезное выражение лица, спрыгивает с заднего сиденья, обращенного против хода, и приглаживает брюки, как будто за время поездки они непозволительно смялись.

– Спасибо, – говорит инспектор Крофт водителю. – И спа-

сибо вам, – обращается она ко мне.

– За что? – удивляюсь я.

– Я всегда, всегда мечтала прокатиться по киностудии на гольф-каре, и наконец это случилось! И все благодаря вам! Мы можем где-нибудь поговорить?

– Площадка закрыта для посещения, – говорит режиссер, подходя к нам, когда мне казалось, что хуже уже быть не может. – Я не знаю, кто вы, но вам сюда нельзя.

Она улыбается:

– Вот мой полицейский значок. На нем написано, что мне сюда можно. Дико извиняюсь, я среди всей этой суеты и романтики забыла представиться. Я инспектор…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.